С29
381/3

П. СЕЛЯНИНОВ-ОППЕРПУТ
б. член Всероссийского Комитета Н.С.З.Р. и С.

Народный Союз Защиты Родины и Свободы

(Воспоминания)

*

Берлин 1922

19690

С 29

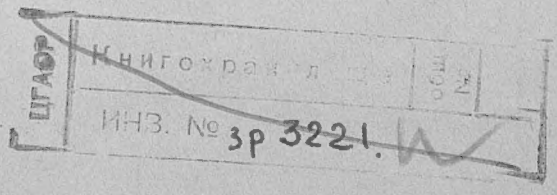
П. СЕЛЯНИНОВ - ОППЕРПУТ

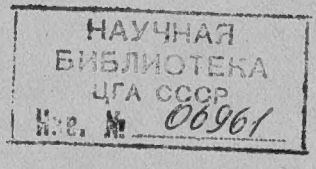
бывший член Всероссийского
Комитета Н. С. З. Р. и С.

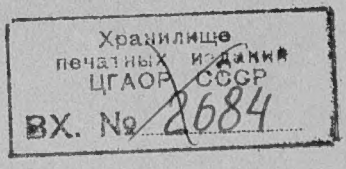
Народный Союз Защиты Родины и Свободы

(Воспоминания).

*







Берлин 1922

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В свое время советская пресса сообщала, что во исполнение соглашения, достигнутого между полномочным послом в Варшаве и Польским Министерством Иностранных Дел, все ответственные деятели Народного Союза Защиты Родины и Свободы, во главе с братьями Савинковыми, покидают пределы Польши. Этим окончательно было распылена верхушка Н. С. З. Р. и Св. Сама же организация, в результате раскрытия органами Всероссийской Чрезвычайной Комиссии всех ее периферий на территории России, Украины и Белоруссии, а также и ликвидации связанных с Н. С. З. Р. и Св. договорными отношениями Петлюровских, Белорусских и казачьих организаций, закончила при весьма печальных обстоятельствах свое существование уже несколько раньше.

Народный Союз Защиты Родины и Свободы № 2 скончался. Я его называю вторым, потому что был еще один Н. С. З. Р. и Св. — организация, выявившаяся наружу в 1918 году в столь памятном всем, своим неудачным концом Ярославском восстании. В угоду французской дирижерской палочке, неподготовленная к выступлению организация по распоряжению главы ее — Бориса Викторовича Савинкова выкинула знамя восстания и была раздавлена.

В январе 1921 года могильщики, выкопавшие могилу первому Н. С. З. Р. и Св., похоронившие, пережившие его и слетевшиеся в Варшаве, откапывают забытый всеми труп и об'являют его воскресшим. Правда, под его прежнюю оболочку вспрыскивается что-то новое, принесенное непосредственно с территории России. Но и это новое лекарство, считавшееся в момент во-

скрешения организации жизненным элексиром, который должен был сделать ее жизнеспособной, было добыто не совсем чистым путем. Оно предназначалось для другой организации, но было перехвачено и использовано Б. В. Савинковым.

Однако, можно было ожидать, и этого ждали организации на территории России, что бывшие могильщики, за свое 2-х летнее скитание за границей, исправились и пропитались в должной мере отвращением к своим прежним приемам, что они уже не будут в угоду правительствам других держав и своим личным интересам, легкомысленно играть сотнями жизней. Но мы, вверившие им свои судьбы, забыли, что эмигрантщина всегда разлагалась и разлагала все, что с ней соприкасалось. Их же, эта эмигрантская гангрена разложила в исключительной степени. Они разложились окончательно и безвозвратно. Они погрязли в эмигрантской склоке, отдались ей целиком, увязли в интригах и дрязгах и без них жить не могли. Они ставили это в основу всякой своей работы. Советская Россия их пугала. Никто из них не осмелился, несмотря даже на самые категорические требования из России, вступить ногой на Советскую территорию. Между тем, они хотели руководить борьбой против Советской власти и руководили ею. Но как, и какими средствами и приемами?

В самую основу новой организации была положена ими ложь, интрига и фальш: они превратили ее в аппарат шпионажа против Советской России, для обслуживания разведывательных Бюро Иностранных держав. Они думали сделать ее устойчивой при помощи гнусного шантажа...

Сейчас, когда Второй Народный Союз Защиты Родины и Свободы умер и, будем надеяться, что умер окончательно, я, как единственное постороннее лицо, присутствовавшее при воскрешении его, и как член Всероссийского Комитета Союза, считаю возможным, даже считаю своим долгом перед оставшимися в живых членами союза, поднять ту завесу, которая так плотно закрывала от их взоров процесс воскрешения, считаю своим долгом сорвать маски с могильщиков Второго Н. С. З.Р. и Св., представить их в истинном свете и поставить перед общественным судом бывших членов союза и вообще русских людей.

Довольно играли они жизнями вверившихся им людей!

Довольно страданий по их вине выпало на долю России!

Довольно им шантажировать государственных, общественных и политических деятелей, удостаивающих их своим доверием!

Довольно им пользоваться общественным доверием, хотя бы заграничных эмигрантских групп!

Довольно русским людям, а главным образом бывшему русскому офицерству, доверяться им и жертвовать собой во имя интересов разведывательных бюро иностранных государств!

Довольно какой бы то ни было подпольной борьбы против Советской власти. Если у нее есть ошибки и недостатки, не будем шептать из-за угла, а скажем ей это в глаза. Если она нас не послушает — будем апеллировать к народным массам, постараемся доказать им неправильность действий власти, а к голосу масс она прислушивается весьма чутко. Прислушиваясь к их голосу она заменила продразверстку продналогом, разрешила торговлю излишками, и изменила в корне свою финансовую и экономическую политику. Таким образом безболезненно стираются наши разногласия и обозначается путь совместной работы, путь облегчения страданий народа, путь, ведущий к светлому будущему.

Мы выкинули знамя беспощадного террора против Советской власти, расстреливали коммунистов, пускали под откос поезда с продовольствием, организовывали пожары.

Советская власть могла нам ответить только террором.

Довольно разрушений! Довольно бессмысленного террора, еще больше усугубляющего небывалые страдания русского народа.

Если хозяйственный аппарат Советской России развалился, если плохо работает транспорт, в этом значительная доля нашей вины.

Пусть не подумает, однако, читатель, что я намерен дать историю 2-го С. З. Р. и Св. Нет. Не взирая на то, что я был членом Всерос. Ком. Союза, многое безусловно скрывалось от меня, а всего того, что не скрывалось, я не мог усмотреть во время своих кратковременных пребываний в Варшаве. Весь 1920—1921 г. я провел на территории Сов. России, а на территории Польши был только 4 раза, из них в Варшаве 3 — по несколько дней. Поскольку я во время этих краткосрочных посещений Всероссийского Комитета имел возможность разобраться в работе Союза и присмотреться к главным действующим лицам, постольку это я постараюсь, по возможности, беспристрастно осветить. Осветить так, как это я видел тогда

и как это сейчас себе представляю. Возможно, что историк многое увидит в другом свете, может быть многое простит главным героям этой трагедии, чего я, один из участников ее и потерпевших, простить не могу.

Итак, я резюмирую: читатель найдет тут только мои личные воспоминания о Втором Н. С. З. Р. и Св. Более подробно я буду останавливаться только на Западной Областной Организации, которая была лично мной создана, и при провале которой провалился и я.

Всех лиц, действовавших на территории России, я буду, по понятным причинам, называть их кличками по организации.

П. И. Селянинов-Опперпут.

I.

К началу октября 1920 года я занимал в гор. Смоленске должность Помощника Начальника Штаба Командующего Войсками Внутренней Службы Западного Фронта.

Раз по выходе после вечерних занятий из помещения Штаба, ко мне подошел молодой человек лет 27—30. Манеры и обращение выдавали бывш. офицера. Видно было, что он меня поджидал у выхода, не желая по какой либо причине заходить в Штаб. Извинившись, что вынужден меня побеспокоить на улице, он отрекомендовался З а р ж е в с к и м и подал мне записку от одного моего старого, близко знакомого по моей службе в Гомеле Г е л ь н е р а, в которой тот глухо просил «удовлетворить просьбу подателей настоящей записки». Г. мне не раз оказывал очень ценные личные услуги, и я рад был отплатить ему тем же. Однако, когда я спросил, чем могу служить, мой новый знакомый смутился и ответил, что его просьба очень нескромного характера и поэтому не будет меня беспокоить, пока не испробует все средства обойтись без моего содействия. Я предполагал, что его просьба, по всей вероятности, будет заключаться в ходатайстве принять к себе на службу. Но почему так глухо пишет об этом Г. и вдобавок пишет не как об одном лице, а о нескольких? Эта таинственность, которая с каждой следующей фразой З. все более возрастала, меня несколько заинтересовала. Мое любопытство и недоумение возросли еще больше, когда З. сказал, что он сумеет мне открыть свою просьбу только после того, как он ближе со мной познакомится, для чего просил назначить время и место, где бы мы могли снова встретиться. Я предложил заходить или ко мне в Штаб, или на квартиру, указав, в какие часы бываю на службе, когда дома. Он считает это неудобным. Я недоумевал и предложил ему избрать место и время самому. Свидание было назначено на следующий же день в городском

саду. Подали для меня лошадей. Погода была неважная, почему предложил довести его до квартиры. Оказывается в этом нет нужды — его квартира где то совсем близко. Мы расстались.

Несколько дней подряд мы встречались в условленном при нашей первой встрече месте, пока не договорились, что он и еще один его товарищ Селянский присланы в Смоленск в качестве ответственных организаторов от анти-советской организации, находящейся в связи с формирующимися в Польше русскими армиями, что они надеются привлечь также и меня к этой работе. Я знал, что на территории Польши формируется несколько русских и украинских армий и поэтому, конечно, заинтересовался, с какой именно из этих армий их организация находится в связи.

Т. Гельнера я знал, как мирного обывателя, отдавшегося целиком своей семье, почему навязывалось подозрение, что тут кое-что не совсем чисто. От дачи определенного ответа я пока уклонился, и запросил Г., предлагая ему точнее сообщить, насколько ему лично известны направленные им ко мне лица, и в курсе ли он того, каких услуг ждут они от меня. Г. ответил, что он лично их вовсе не знает, что они направлены к нему из Варшавы его знакомым, но лицом, безусловно заслуживающим доверия. Намерения их в отношении меня приблизительно известны ему. Подчеркнул, что некоторая осторожность во вред не пойдет...

Между тем, наши встречи продолжались. К этому времени я успел уже познакомиться и с Селянским, который, как оказалось, был главным из них. Оба они очень интересовались Штабом ВНУС, что меня не удивляло, ибо в ведение Штаба ВНУС переходил весь тыл Западного фронта, не исключая охраны железных дорог и батальонов Чр. Комиссий. С., вообще, оставлял впечатление очень энергичного и развитого человека. Когда я спросил, каких именно услуг в своей работе они ждут от меня, С. ответил, что в данный момент я мог бы оказать им весьма ценные услуги, сообщая о всех перемещениях частей Красной Армии на Западном Фронте и о намерениях высшего командования. Я от исполнения этой их просьбы решительно уклонился под предлогом, что я стою вдали от оперативной работы, что я даже без особого пропуска не имею возможности пройти в Оперативное Управление Штаба и ведаю исключительно переформированием частей ВНУСА. При последующих встречах мы продолжали упорствовать каждый на своем. В конце концов, видя, что из этого ничего не выйдет, С. предложил мне заняться созданием организации по 7-й

системе, включая туда, в первую очередь, командный состав Красной Армии и сотрудников штабов. О всех вовлеченных в организацию лицах ставить его в известность. Работу вести под лозунгом Добровольческих Армий: «За Учредительное Собрание», «долой реквизиции и конфискации», «разрешение свободной торговли» и т. п. Я выразил желание более точно узнать, где находится центр организации и кто стоит во главе ее. Об этом они меня поинформируют несколько позже, когда увидят результаты моей работы. Я просил более точных инструкций, как вести работу. Они отговаривались тем, что мне, прожившему все время в России легче будет избрать те методы работы и подходы к делу, которые и дадут наиболее ощутительные результаты. На эту работу С. выдал мне 300.000 сов. руб.

На участие в анти-советской борьбе меня толкал кроме общего оппозиционного настроения еще ряд мелких из моей личной жизни условий, которые для читателя большого интереса не представляют, почему я на них и останавливаться не буду.

Я решился.

Прежде всего, конечно, необходимо было разработать инструкцию, как вести работу тем лицам, которых я предполагал привлечь в качестве ответственных организаторов.

Инструкция и соответствующие прокламации были скоро закончены и я начал их переписывать на пишущих машинках. К этому же времени мне удалось попасть по делам службы в Гомель, где я служил подряд несколько лет и имел широкие знакомства среди бывшего офицерства и местной интеллигенции. Здесь удалось заложить прочную ячейку, которая потом по воскрешении Н. С. З. Р. и Св. развернулась в Западную Областную организацию последняго. Удалось повидаться и с Гельнером. Мою инструкцию он одобрил и советовал мне работу вести самостоятельно, не посвящая в подробности ее моих новых знакомых, которых он считал скорее всего агентами из Польского Штаба или другой какой либо иностранной державы, потому что его варшавский знакомый просил только помочь им в получении документов на проживание и передвижение по территории Советской России. Г. обещал, если в этом будет нужда, посодействовать налаженню связи новой организации с варшавскими русскими политическими группировками. У него будто бы уже и сейчас кое-какая связь имеется, но его усилия пока направлены исключительно на ликвидацию наростающей на Украине и на территории тыла западного фронта погромной волны.

Заложив ячейки еще в других городах Гомельской губернии, которые мне пришлось проезжать, я возвратился в Смоленск. Мои новые знакомые после моего решительного отказа предоставить им сведения из Оперупра Штаба, стали меньше мной интересоваться. Я все же их, в общих чертах, не называя фамилий вовлеченных мною в организацию лиц, со своей работой ознакомил. Они ее одобрили, также как инструкцию и прокламации. Только впредь они предлагали работать уже не от имени добровольческих армий (это был период их разгрома), а от Союза Возрождения. Желая выпытать, с кем именно они находятся в связи, я задал вопрос, от имени какого именно из Союзов Возрождения ибо я знал, что их несколько. «Современем узнаете». Через несколько дней я заболел и целый месяц провалялся в постели. Работа однако продолжалась. По выздоровлении, я получил командировку сначала в Москву, потом в Витебск, а в первых числах января перебрался окончательно в Гомель, чтобы там уже отдаться исключительно работе по организации. С момента моего переезда в Гомель, я ни с Заржевским, ни с Селянским уже не встречался, да и они, по всей вероятности, потеряли меня из виду.

Гомельская организация к тому времени уже сумела выделить Губернский Комитет и организовать ряд районных и уездных Комитетов. В организацию вошли, главным образом, бывшие офицеры. Районные и уездные комитеты состояли сплошь из них, что, конечно, было громадным недостатком, ибо у них не было ни опыта в подпольной работе, ни умения подойти к крестьянским массам. Связи с низами, за небольшими исключениями, не было никакой. Да это иначе и быть не могло. Ведь большинство всех этих членов уездных и районных комитетов занимали должности — кто военных руководителей, кто сотрудников военных комиссариатов, а кто должности командиров Красной Армии. В деревне они всегда появлялись при исполнении своих служебных обязанностей, для проведения мобилизации людей и лошадей, для реквизиции, поимки дезертиров, мобилизации повозок и т. д. Вдобавок это были все пришлые, чужие, не местные элементы. Подобные комитеты на вовлечение в организацию широких крестьянских масс, конечно, расчитывать не могли. Несколько лучше обстояло дело в тех местах, где во главе уездных комитетов стояли местные старожилы, хотя и с весьма правыми убеждениями и не имеющие никакого политического такта.

Между тем средств не было. Селянский, при последнем свидании заявил, что у него самого нет ни гроша. Еще ху-

же дело обстояло с агитационной литературой. Ведь самое зарождение организации могло иметь место только при широком распространении основной инструкции и соответствующих прокламаций. Напечатать в Гомеле нечего было и думать. Я решил последовать совету, данному мне Гельнером — поехать в Варшаву, чтобы прочно связаться с тамошними русскими политическими группировками, обеспечить организацию литературой, средствами и добиться отправки к нам хотя бы нескольких опытных подпольщиков. Г. обещал дать рекомендации и явку к своему варшавскому знакомому, который в свою очередь должен был меня свети с верхами «Варшавского Союза Возрождения». Он советовал границу переходить в районе м. Койданов, указывая, что в случае надобности я уже в Рубежевичах с'умею получить содействие представителей или Русского Политического Комитета, или белорусских организаций. Переход границы очень легок, можно даже из Минска поехать прямо на подводе.

Необходимо было только получить отпуск на месяц и документы для проезда в Минск. Причин для получения отпуска было вполне достаточно, так как я еще с империалистической войны страдал «суставным ревматизмом и расширением вен нижних конечностей». Получение отпуска по болезни дало возможность совершенно легко получить проездные документы до Минска. Не теряя времени, я выехал в Минск.

Без особенного труда, мне удалось у одного своего старого сослуживца получить подводу с кучером красноармейцем и я отправился. Из Минска выехали вечером с расчетом проехать единственный пост находящийся на дороге в Койданов, пока еще не рассвело. Не доезжая шагов 200 до поста, я заметил, что пост остановил едущую впереди нас подводу и довольно тщательно ее обыскивает. Это меня, первый раз пускавшегося в подобное путешествие, сильно смутило, вернее напугало. Предложив своему вознице остановиться, я прошел за ближайший сарай, где и уничтожил все документы, которые меня могли компрометировать, именно: основную инструкцию Западной организации, образцы прокламаций, письмо и явку к знакомому Гельнера. Если в первых большой нужды я не чувствовал, так как прокламации мог в любой момент восстановить по памяти, то уничтожение рекомендации меня стало беспокоить сейчас же, лишь только я миновал пост. В Койданове я остановился в какой-то чайной, чтобы разузнать, как лучше всего пробраться в Рубежевичи. Мест. Койданов хотя и нахо-

дилось в русской нейтральной зоне, но Ревком был там только что организован и работал вяло.

Было еще рано и в чайной, где я остановился, никого не было. Я заговорил с хозяйкой относительно условий дальнейшего проезда в Рубежевичи, где уже стояли польские части. Через минут 20 в чайную ввалилась группа молодых людей. У некоторых из них я заметил в карманах револьверы. Это меня заинтересовало. На красноармейцев или на советскую милицию что-то не похоже. Выпив чаю, они вышли. Хозяйка сначала отнекивалась, а потом сказала, что по всей вероятности это — «балаховцы-зеленодубцы». Я решил их розыскать и, допив свой стакан чаю, тоже вышел. Они тут же в шагах полтораста от чайной, на площади, о чем-то оживленно толковали. При моем приближении они замолкли. Мы заговорили. Узнав, что я приехал из Минска, они стали относиться ко мне с некоторой опаской. Однако уверение, что я бывший офицер, подтвержденное пред'явленным мною удостоверением и сообщение, что я хочу проехать в Рубежевичи их успокоило и один из них признался, что он начальник отряда организации «Зеленого Дуба» и прибыл сюда, чтобы следить за отрядами красноармейцев, собирающимися заняться изъятием излишков хлеба. Он мне рассказал, как поехать в Рубежевичи и указал, что там уже имеется информационно-агитационный пункт Русского Эвакуационного Комитета, во главе которого стоит поручик О р л о в, к которому мне и надлежит обратиться, если я желаю проехать дальше в Варшаву. Так как финансы у меня были не в блестящем состоянии, я решил отправиться в Рубежевичи пешком. Вечером этого же дня я был уже в Рубежевичах. Чтобы до прибытия в Варшаву, пока я там на месте не ознакомлюсь с тамошними политическими группировками, не связывать себя ни с одной организацией, я решил, поскольку будет возможно, обходиться без содействия пор. О р л о в а, почему и направился непосредственно к коменданту местечка, от которого зависело пустить меня дальше или нет. Тот, расспросив, куда и по какому делу я еду, взял документы, удостоверяющие мою личность, просмотрел их и сказал, что, по всей вероятности, он разрешит мне проезд до Столбцов. Просит зайти через час. Наняв комнату в постоялом дворе, я отправился обратно к коменданту. Он был уже не один, а еще с кем-то рылся в моих документах. Они как раз рассматривали мой послужной список, по которому было видно, что я все время занимал довольно ответственные должности. Пошептавшись о чем-то с неизвестным мне лицом, комендант

стал очень предупредительным ко мне, уверяя, что завтра в мое распоряжение будет предоставлена бесплатная подвода, что о моем прибытии он предупредит Столбцы по телефону, и что я с первым же поездом сумею отправиться в Штаб 4-й армии, от которого уже будет зависеть дать мне разрешение на проезд в Варшаву или нет. После этого он представил мне лицо, с которым просматривал мои документы. Оказалось, что это поручик Орлов. Последний пригласил меня к себе выпить чаю. Я согласился и мы, попрощавшись с комендантом, отправились. П. Орлов, уже по дороге, без всякого вступления, выпалил, что он является здесь представителем Р. Э. К. и послан сюда для руководства формированием по всей территории Минской губернии повстанческих, против Советской власти, отрядов и настаивал, чтобы я его ознакомил во всех деталях, по чьему поручению еду в Варшаву, от какой организации, численность организации, кто из видных общественных или политических деятелей входит в организацию, кто меня сможет рекомендовать заграницей и т. д. Я его ознакомил в общих чертах как с постановкой дела в Гомельской организации, так и с какими намерениями еду в Варшаву. С своей стороны я старался выведать у него, что делается в Варшаве, кто руководит эмигрантщиной, какие политические группировки пользуются бо́льшим весом, их связи на территории России и снабжаемость денежными средствами. По словам пор. Орлова выходило, что Б. В. Савинков среди эмигрантов такая же сила, как глава государства маршал Пильсудский для всей Польши. Правда, есть еще в Варшаве и «Союз Возрождения», но и его Б. В. Савинков прибрал к рукам. Все ходоки из России направляются к нему, он же их снабжает средствами и литературой. Союз Возрождения занят только эмигрантами и на территории России никакой работы не ведет и не намерен вести. Пор. Орлов закончил свою информацию тем, что предложил мне, по прибытии в Варшаву, пти прямо к Б. В. или к его брату Виктору Викторовичу, стоявшему во главе Информационного Отдела Р. Э. К.

На следующий день я действительно получил бесплатную подводу и отправился в Столбцы. В Столбцах о моем прибытии были предупреждены. Начальник Местного Информационного пункта 4 армии устроил так, что я, минуя обыкновенную процедуру, которую пришлось проходить остальным «уходцам» и беженцам, мог на следующий день выехать в Штаб 4-й армии, расположенный в гор. Слониме. Меня сопровождал польский унтер-офицер, который вез мои документы.

Выезжая из России я воображал, что как только перееду границу так сразу и исчезнут теплушки. «Максимы Горькие», и я усядусь в мягком вагоне второго класса и так уже в тепле и уюте буду ехать до Варшавы. Можете представить поэтому мое разочарование, когда мне, на следующее утро пришлось забраться в необорудованный и нетопленный телячий вагон. На весь состав был только один вагон 4 класса. Вдобавок вагоны были битком набиты, как «уходцами» и беженцами, так и солдатами. По растянутым физиономиям «уходцев» и беженцев тоже было видно, что те ждали лучшого. Из уст солдат градом сыпались польские ругательства. Особенно досталось евреям. Почти у всех беженцев-евреев поинтересовались «крепко ли у них борода сидит».

В Барановичах мы уже пересели в вагон третьего класса, который, однако, пришлось брать с бою. Ехали главным образом демобилизованные, которые на каждой станции выставляли проникавших в вагон «цивильных». Между тем вагон, как указывала табличка, прибитая снаружи к вагону, предназначался именно для «цивильных». Мне невольно пришла на ум наша демобилизация с отдельными для демобилизованных поездами и роскошными проводами.

В Штабе 4-й армии тоже были о моем приезде предупреждены из Столбцов и приняли меня очень гостеприимно. Была предоставлена комната одного из офицеров штаба, приглашен был на ужин в лучший ресторан в городе и т. д. На следующий день я познакомил офицеров 2-го Отдела Штаба Армии с положением в России, и в сопровождении того же унтерофицера, с которым я ехал до Слонима, выехал в Варшаву во Второй Отдел Генерального Штаба. Утром следующего дня я был уже в Варшаве. В Варшаве я был, вообще, первый раз в своей жизни и надеялся, что столица Польши будет гораздо чище, хотя блестящие витрины и шикарные магазины произвели на меня довольно сильное впечатление. С вокзала я и мой провожатый отправились прямо во Второй Информационный Отдел Генерального Штаба. Не взирая на то, что Штаб 4-й армии дал обо мне очень лестные отзывы, тут меня приняли не совсем гостеприимно. Вдобавок, кажется, было воскресенье и все ответственные работники уже разошлись. В Информационном Бюро Штаба на лицо оказались поручик Эмиссарский и какой-то подхорунжий. Оба они очень долго копались в моих бумагах и о чем то спорили. Из их разговора я понял, что шефа Бюро майора Бека налицо нет, и что поручик Э. не хочет взять на себя ответственность за оста-

вление меня на свободе без надзора. Подхорунжий настаивал на противоположном, доказывая, что неудобно будет меня, занимавшего ряд ответственных должностей в России, посадить на гауптвахту, и что от этого могут пострадать их же интересы. Я тоже запротестовал против намерений поручика Э. В конце-концов, он стал уверять, что вовсе не хочет, чтобы меня поместили на гауптвахту, а просто просит коменданта предоставить мне помещение. Но когда Э. вышел — подхорунжий не счел нужным скрывать действительное положение вещей, но успокоил меня, что это только недоразумение, что поручик Э. тут недавно и еще не в курсе дел, почему очень боится ответственности, и что завтра, когда придет шеф бюро, я безусловно буду освобожден. Подхорунжий великолепно говорил по-русски и пока готовили мне сопроводительную, я заговорил с ним о варшавских русских эмигрантских группах. Он почти целиком поддерживал слова поручика Орлова, что всей эмиграцией заворачивает Борис Викторович Савинков. Поместили меня на гауптвахте, что меня, однако, нисколько не стесняло и избавляло от хлопот по розыску квартиры. По рассказам сопровождавшего меня унтер-офицера, все гостиницы страшно переполнены и найти номер очень трудно. Через час я уже сидел на гауптвахте. Камера была не особенно чистая, да и прохладная. Однако, эти недостатки быстро исчезли, для чего было достаточно дать корридорному 100 марок. Принесли также на мои деньги обед из ресторана и русские газеты. На следующий день меня вызвали во Второй Отдел Генерального Штаба. За столом, где вчера сидел поручик Эмиссарский, сидел высокий молодой человек в форме донского казака. Нужно сказать, что ни Бориса Викторовича, ни Виктора Викторовича Савинковых я раньше не знал. Но сидевший на месте поручика Э. молодой человек точь-точь походил на В. В., каким он обрисовывался в моем воображении, по словам поручика Орлова. Заметив на его лице легкие следы оспы, я окончательно пришел к заключению, что это Виктор Викторович. Последний однако не назвал своей фамилии и ограничился указанием, что он бывший казачий офицер и прикомандирован к Штабу для опроса лиц, прибывающих из России. Начался подробный допрос. Относительно Гельнера, и что я прибыл сюда с намерением связаться с «Союзом Возрождения», я решил пока умалчивать, хотя и сказал, что созданная мной по той стороне организация существует под названием «Союза Возрождения». Я подчеркнул, что мы готовы связаться с Б. В. Савинковым, если он будет в

состоянии удовлетворить наши нужды. При допросе присутствовал еще какой-то офицер в форме французского капитана, как я уже потом узнал, капитан Дераш. По окончании допроса, меня спросили под какой фамилией я желаю тут проживать. Я просил дать мне документы на имя Павла Спекторского. Через час у меня были уже документы, и я решил отправиться разыскивать знакомого Гельнера. При выдаче документов было сказано, что если я нуждаюсь в средствах, то они могут мне помочь. Я поблагодарил и отказался. У выхода я столкнулся с французским капитаном, который просил поехать с ним во французскую миссию и ознакомить их с положением в России. Уже по дороге из разговора с ним и еще другим французским офицером-майором Марино, который присоединился к нам у здания польского штаба, мне стало ясно, что о положении в России у них невероятно извращенное понятие, например, — демобилизация рисовалась в их воображении куда более беспорядочной, нежели в Польше, а о «Всеобуче» у них не было ровно никакого понятия. Они почему то были уверены, что в каждом уездном городе находится по штабу территориально-милиционной бригады и т. д. В миссии я пробыл недолго и в результате наших разговоров капитан Дераш (который почему-то просил спрашивать всегда его, как «капитана Дюма») просил ознакомить их в виде коротких докладов с постановкой военного дела в России и о ходе демобилизации. Капитан Д. также перед прощанием предложил мне помочь средствами, но я и на этот раз отказался. Узнавши, что у меня еще нет квартиры, он обещал к завтрашнему дню найти номер в какой-либо гостинице. Я направился разыскивать знакомого Гельнера, но он оказался в от'езде. Это меня несколько смутило. Без всякого успеха остались и все мои попытки найти номер. Пришлось уже добровольно продолжать свое пребывание на гауптвахте, на что дежурный ад'ютант коменданта не сразу согласился. Я направился в Р. Э. К., твердо решивши, пока не переговорю с Борисом Викторовичем, с «Союзом Возрождения» в связь не входить, ибо все мои разговоры с эмигрантами привели к заключению, что «Союз Возрождения», действительно, почти никакой работы на территории России не ведет, и что у него нет на это и средств. Свидания с Борисом Викторовичем однако получить не удалось: предлагали «зайти завтра», ибо «сейчас Б. В. занят и весь день распределен», но я настаивал и мне было обещано свидание вечером этого же дня. Являюсь вечером. — «Сегодня нет свободного времени, зайти завтра в 1 час.

дня». В час дня опять не оказалось «свободного времени» и аудиенция была отложена до вечера. Это, наконец, меня взбесило. Встретив в Польском Штабе ад'ютанта Виктора Викторовича, поручика Рудина, я заявил ему, что, если сегодня я не получу свидания, я сумею обойтись и без этих зазнавшихся королей эмигрантов. Это подействовало и Рудин предложил мне зайти через час в «Брюль», где он устроит свидание сначала с Виктором Викторовичем, а потом и Борисом Викторовичем. Через час я был опять в «Брюле». Мне заявили, что меня просит Виктор Викторович, и я вошел в указанный мне кабинет, где и должен был находиться В. В. За столом сидел молодой человек, совсем мальчишка, типичный белорусский крестьянин с бородой по половину груди. Мне было ясно, что Виктора Викторовича здесь нет, и что это будет только предварительный допрос. Начался допрос весьма тщательный. В конце допроса молодой человек уже открыто заявил, что он не Виктор Викторович, а Строганов, бывш. комиссар, не помню уже какой советской дивизии, а третий наш собеседник — сотрудник Информационного Отдела Р. Э. К. — Колчак. Он уверил, что завтра я уже принят буду Борисом Викторовичем и Виктором Викторовичем. Узнав, что я пока квартиры не имею, он предложил воспользоваться его квартирой. Я с благодарностью принял его предложение и перебрался с гауптвахты к нему. Уже на следующий день, благодаря содействию капитана Дераш, мне удалось получить номер в одной гостинице по Хмельной ул. В час дня я был опять в «Брюле», где уже на этот раз был действительно принят Виктором Викторовичем, оказавшимся тем же самым казачьим офицером, который меня опрашивал во Втором Отделе Польского Генерального Штаба. Разговор с В. В. был довольно продолжительным, потому что пришлось его посвятить уже во все детали Гомельской организации и ознакомить с нашими приемами работы, с содержанием нашей основной инструкции и прокламаций, а главное, раз'яснить суть тех двух принципов «самозарождения» и «параллельного существования на одной территории нескольких независимых друг от друга организаций», которые составляли всю основу нашей инструкции. Виктор Викторович в свою очередь ознакомил меня с положением эмигрантщины в Варшаве и указал, что единственная группа, которая ведет работу на территории Советской России — это группа, сплотившаяся вокруг Бориса Викторовича, вернее «Русский Эвакуационный Комитет», но так как последний сильно завален текущей работой, то Борис

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ЦГА СССР Инв. № 06961

Викторович работает над созданием новой организации, которая посвятит себя исключительно работе на территории Советской России. В деньгах и хороших работниках они нуждаются, но литературой они смогут помочь, только она не будет такой, какую бы мы хотели иметь. Это все меня не удовлетворило, но я предполагал, что положение изменится после моего свидания с Борисом Викторовичем. Вечером этого же дня я был им принят. Он уже был введен в курс дела Виктором Викторовичем и наш разговор был очень короток, продолжался всего несколько минут. Он советует мне в «Союз Возрождения» не обращаться, даже настаивает на этом, отзываясь о «С. В.» как о сборище болтунов и просит меня к завтрешнему дню восстановить основную инструкцию Гомельской организации и ее прокламации.

На следующий день я уже явился в «Брюль» с восстановленной по памяти инструкцией и прокламациями. Виктор Викторович ушел с ними к Борису Викторовичу и, явившись обратно, заявил, что прокламации хороши, и что основная инструкция Гомельской организации и будет положена в основу новой организации, создаваемой Борисом Викторовичем.

Мы перешли к окончательному ее редактированию. Все осталось без изменения, полностью были сохранены схемы организации, порядок формирования отрядов и прочее. Только вместо абзаца, допускающего террор, как средство защиты, был вставлен целиком абзац о терроре из инструкции Информационным Пунктам Р. Э. К., по которому террор уже превращался в основное наступательное средство борьбы с Советской властью.

К утру следующего дня Виктором Викторовичем было составлено введение к инструкции и присяга членов союза и таким образом дополненная основная инструкция превратилась в статут и основную инструкцию новой организации. Нужно было только дать имя младенцу. Тут у нас возник горячий спор. Я упорствовал на том, что должно быть сохранено и наименование Гомельской организации — «Союз Возрождения», Б. В. и В. В. категорически восстали против этого и настаивали на присвоении новой организации прежнего названия Савинковской организации 1918 года — «Народный Союз Защиты Родины и Свободы». Я предложил компромисс, т. е. дать новой организации наименование, которое совмещало бы и название Гомельской организации и прежней организации Б. В., а именно назвать новую организацию — «Народный Союз Возрождения Родины и Свободы».

Два раза Б. В. уходил в кабинет Б. В., но немедленно возвращался с одним и тем же ответом «Борис Викторович настаивает на сохранении полностью прежнего названия его организации». Я смирился. После этого я был опять на несколько минут принят Б. В., который сказал, что Всероссийский Комитет до созыва Всероссийского С'езда новой организации, будет считаться сконструированным в следующем составе: Председатель Всеросс. Комитета — он, Борис Викторович Савинков, члены: В. В. Савинков, Дикгоф-Деренталь и Философов. Возникновение новой организации будет об'ясняться за границей, как произвольное возникновение на территории Р. С. Ф. С. Р., а в России как организация, возникшая в результате с'езда ряда подпольных организаций в Варшаве. В. В. было предложено совместно с Ульяницким изыскать средства к срочному напечатанию «Основной Инструкции Народного Союза Защиты Родины и Свободы» и соответствующих прокламаций. Вся анти-советская работа на территории Советской России представителями Р. Э. К. и также его информационными пунктами впредь будет вестись уже от имени Нар. С. З. Р. и Св. Таким образом, родился или вернее воскрес Н. С. З. Р. и Св. Но программы еще не было. Ее обещался разработать сам Борис Викторович, беря как основу программу «Русского Политического Комитета в Польше».

Со времени посещения французской миссии, я все свое, свободное от посещения «Брюля», время, уделял целиком составлению докладов о Советской России, главным образом о Красной армии, сдавая готовые материалы, по мере обработки, капитану Дераш. Как-то случайно я проговорился об этом Виктору Викторовичу. Последний, узнавши, что я освещаю положение в России в том свете, как это я действительно видел, остался этим недоволен и сказал, что интересы организации требуют, чтобы через всю информацию, даваемую мною миссии, сквозило с одной стороны — неорганизованность Советского аппарата в целом, с другой — что заключенный с Польшей мир, Советская власть рассматривает только как передышку для нового похода на Польшу, а в случае удачи и вообще на Европу. Сделанное, однако, нельзя было исправить. Многие из моих докладов уже были в миссии и, между прочим, доклад о ходе демобилизации, в котором я открыто признавал высокую степень организованности всего хода демобилизации шел в разрез с информацией Савинкова. Хотя в общем, почву для ведения антисоветской работы я указывал как удоб-

ную, но Савинкову было нужно не это. Ему нужен был срыв русских мирных переговоров и немедленное возобновление военных действий, пока окончательно не разложились, интернированные на польской территории, армии. Необходимо было доказать, что Россия мечтает о реванше, что ее нужно добить немедленно, что момент для этого как нельзя более выгоден, что потом уже с ней не справиться.

Эффект от моих докладов получился довольно сильный и капитан Дерош открыто признался, что по докладам Виктора Викторовича у них о многом по сие время было другое представление.

Между тем, дело с напечатанием инструкции Н. С. З. Р. и Св. и прокламаций не подвигалось. Не было средств. В. В. надеялся на французскую миссию, но потерпел неудачу. Вернувшись оттуда, он заявил, что французы в субсидии отказали и, как бы подчеркивая, что в этом и доля моей вины, предлагал мне впредь копии, представляемых мною в миссию докладов, сдавать ему. Однако еще окончательно надежды на получение средств не теряет, ибо для этого уже надлежит отправиться в миссию мне, и если я скажу, что деньги нужны на печатание литературы для Советской России, и что я впередь буду информировать миссию о России, деньги, по всей вероятности, будут выданы. Конечно, следует запрашивать бóльшую сумму, потому что придется торговаться. Я отправился. Действительно, после некоторых пререканий мне удалось договориться, что 300 000 марок будут выданы по напечатании литературы, а потом через неделю еще 200 000 марок. Инструкцию и прокламации отдали в типографию. Через пару дней, когда я пришел в миссию вместе с В. В. были выданы первые 300 000 марок на оплату литературы и условились более точно относительно следующей получки. Тем временем было закончено и печатание «Основной инструкции Н. С. З. Р. и Св.» и прокламаций: «Красноармейцы», «Братья красноармейцы» и «К организации и сплочению под знаменем Народного Союза Защиты Родины и Свободы зовем мы всех». Осталось только получить документы на провоз литературы и выбрать направление, по которому тронуться в обратный путь. За это время я имел возможность наслышаться от В. В. Савинкова много весьма лестного о работе Лунинецкого Информационно-Агитационного пункта, который, по его словам, за несколько дней сумел наладить прочную связь чуть ли не с Калинковичами. Мне нечего было больше и желать, ибо в Калинковичах я был как дома. Я решил взять с собой

сразу 80 000 экземпляров агитационной литературы и ехать через Лунинецкий Информационно-Агитационный пункт. В два дня были получены из Второго Отдела Польского Генерального Штаба все необходимые для провоза документы и я, сдав свой груз в багаж, выехал в Лунинец. На следующий день, утром, я уже был в Бресте. Будучи уверен, что мой багаж безусловно будет перегружен в поезд на Лунинец я, не беспокоясь о багаже, пересел в одну из теплушек для «цивильных» лунинецкого состава и стал ждать отправки. Ждать пришлось часа полтора. Теплушки мало-по-малу наполнялись пассажирами. Ту половину, в которой я уселся, заполнила одна компания «дельцов», среди которой выделялся, пользовавшийся особым почетом со стороны всей компании, акцизный чиновник. Перед самым отходом поезда в теплушку ввалилась толпа солдат, которые, если бы не упорство акцизного, призвавшего на помощь железнодорожную администрацию. выставили бы нас, несмотря на вывеску, что вагон отведен для «цивильных». Наконец поезд тронулся.

В моей половине теплушки разговор шел весьма щекотливый и, хотя я плохо понимал польскую речь, решил к нему усердно прислушиваться. Шел торг с акцизным относительно какой-то сделки с солью и сахаром. Акцизный запрашивал взятку 100 000 п. марок, компания «дельцов» давала только 60 000 марок. После некоторых пререканий, чиновник умерил свои требования до 85 000 п. марок, а компания подбавила до 70 000 марок. Видно было, что сговорятся. Меня поразила только та откровенность, с которой в Польше совершаются подобного рода сделки. Скоро сошлись на 80 000 марок.

Не доезжая версты две до станции Лунинец, большинство пассажиров стали на ходу сбрасывать свой багаж. Некоторые соскакивали сами, а других тут поджидали знакомые, которые и подбирали сбрасываемые пассажирами вещи. Я был удивлен и, не понимая для чего вся эта махинация проделывается, обратился для раз'яснения к одному из пассажиров. «Боятся обыска на контрольном пункте». Скоро мне пришлось увидеть это столь ненавистное для всех учреждение.

В Лунинец наш поезд прибывал ночью. В теплушке стояла невообразимая возня. Кто засыпал себе за голенищи сапога сахарин, а кто откупоривал бутылку водки, чтобы отпить из нее несколько глотков, торопясь и толкая друг друга самым отчаянным образом. Я очень увлекся созерцанием этой «идиллии», о чем потом пришлось жалеть. Дело в том, что кто-то из пассажиров, забывши, по всей вероятности, о господствующем

тут священном праве собственности, присвоил себе мои часы. Правда, они были очень неважные, но все же золотые и моя «священная собственность», на которую и в Советской России никто не осмелился посягать.

Я спросил местных, как тут относительно квартиры, ибо ночью разыскивать Информационно-Агитационный пункт я не хотел. Мне дали мало ободряющий ответ, что поляки при отступлении сделали небольшой «погромчик» и лучшую часть города превратили в пепел.

Всех граждан с вещами попросили на Контрольный пункт. Хотя у меня и было удостоверение, что мой багаж просмотру не подлежит, я все же направился вслед за другими, имея своею целью ознакомиться с этим страшным для всех учреждением. Да и действительно было чего бояться, и то, что там творилось, заставило меня покраснеть за Польшу. Тащили все, что хотели. Норм никаких не соблюдалось, отбирался последний сахарин и начатая бутылка водки. Квитанции на отобранное не выдавались и т. д. Между тем толстые чемоданы, после перешептывания их владельцев с Начальником Контрольного Пункта, проходили вовсе без всякого просмотра. Дошла очередь и до меня. Я пред'явил свое удостоверение, что мой багаж просмотру не подлежит. Начальник К. пункта, не проверив моих остальных документов, стал относиться ко мне с исключительным вниманием, предлагая даже не заботиться и о квартире. Я, конечно, этому весьма обрадовался, а пока, ожидая конца обыска, расположился на диване. Но когда мой новый покровитель заговорил со мной, я недоумевал. Он стал бесконечно распространяться относительно Виленщины, доказывая, что Виленщина населена почти исключительно одними поляками, что населения других национальностей там и 10% нет, и что Желиговский против Советской России никаких враждебных замыслов не питает. Но я чувствовал себя усталым и плохо прислушивался к потоку его фраз. Заметив это, он предложил отправиться к нему и лечь спать. Его квартира оказалась тут же недалеко от вокзала. Убаюкиваемый его красноречием об Желиговском и Виленщине, я скоро уснул. На другое утро, когда ко мне явились две еврейки просить, чтобы я оказал им «божескую милость» и посодействовал освобождению их родственников, арестованных Житковичским Особым Отделением при попытке перебраться из Советской России в Польшу, я понял, что меня принимают за советского делегата. Уверив просительниц, что это не в моей компетенции, а Начальника Контрольного Пункта, что я не советский делегат, я отправился

разыскивать г. Микуловского и г. Гомона, стоявших во главе местного Информационно-Агитационного пункта. Оба они оказались на лицо. Но постановка дела на Информационно-Агитационном пункте оказалась далеко не на той высоте, как это мне обрисовал Виктор Викторович. Оба жаловались на полное отсутствие средств, без которых они ничего предпринять не могут, что в данный момент они не делают почти ничего и что ими не обследована даже линия незаметного проникновения к русско-польской временной границе. Все же, оба обещали сделать все от них зависящее, чтобы дать мне возможность с наименьшим риском перейти границу. Для этого они дадут мне проводника до ближайшего штаба отрядов «Зеленого Дуба», а тот уже даст проводника дальше. Договорившись относительно проводника, я попросил кого-нибудь из них пойти со мной на вокзал, чтобы доставить на квартиру мой багаж. «А сколько вам обошлась перегрузка в Бресте?» — спросил меня Микуловский. Я был удивлен. «Разве за перегрузку тут особо платить нужно?» — «Нет, но если Вы хотели, чтобы багаж следовал с вами, нужно было в Бресте помазать».

На вокзал отправились втроем. Действительно подтвердилось предположение М.: — багаж не прибыл. Правду сказать, я этому обрадовался, ибо вести при новых выяснившихся условиях с собой подобный груз было бы неблагоразумно. Проводник, между тем, явился. Сговорившись с Микуловским, куда направить литературу после прибытия в Лунинец, лишь только стало вечереть, мы отправились. Однако, не успели мы удалиться и 5 верст от города, как мой проводник уже дал отбой — заблудился. Проблуждав часа два по лесу, мы выбрались обратно к Лунинцу. Я был взбешен. — Подобные проводники так прямо «без пересадки» и приведут на пограничный пост Особого Отдела. День опять потерян. Между тем срок моего отпуска истекал. Я должен был опять становиться на комиссию, в противном случае меня повсюду могли задержать, как дезертира. Я решил бросить всякие надежды на содействие Информационно-Агитационного Пункта и утром, захватив с собой местного старожила К., отправился сам разыскивать безопасное место для перехода границы. До ст. Лахва ехал по железной дороге. В Лахве К. должен был меня познакомить с секретарем тамошнего кооператива, которого он считал знатоком этой местности. Направились в кооператив. Секретарь был там. Тут я заметил, что, отпускаемые кооперативом, товары заворачиваются в агитационную литературу Русского Политического Комитета, предназначенную исключительно для

распространения на территории Советской России. Этой литературой был завален целый угол. Мне об'яснили, что это особый способ переотправки литературы заграницу, что в нее заворачиваются только покупки крестьян с русской стороны. Конечно, это была чушь, ибо кооператив обслуживал исключительно одно местечко. Мой новый знакомый действительно оказался знатоком местности и назвал целый ряд безопасных пунктов перехода границы. Однако, узнав, что я в ближайшем будущем намерен перевозить груз, он предложил уже за-одно обследовать действительно надежную линию и для провоза груза, указав, что в этом случае лучше будет, если я обращусь к войту П. из Хорска, к которому он даст от себя письмо, чтобы тот указал проводников. К. поехал обратно в Лунинец, и я послал через него записку Минкуловскому, чтобы тот, по прибытии моего багажа, направил весь груз в Хорск к П. Получив письмо к последнему, я тронулся в путь. В Хорск прибыл уже поздно вечером. П. был в волостном правлении. Он, в свою очередь, снабдил меня рекомендательными письмами целому ряду проводников из пограничной деревни Семигастичи. Сменив тут же подводу, я поехал дальше. В Давид-Городке вышла задержка из-за того, что местный комендант не был предупрежден Штабом о моем приезде, почему я и был задержан. Через час недоразумение выяснилось и я тронулся дальше на Семигастичи, решив за ночь во что бы то ни стало добраться туда. На полпути лежала деревня Ольшаны, где я предполагал сделать остановку, чтобы закусить. Но тут я должен заметить, что подвода у меня была из наряда для перевозки солдат и мой возница, не взирая на мои обещания, что я ему уплачу, а может и не веря моему обещанию, решил мне отомстить за то, что ему пришлось из за меня ночью поехать. До д. Ольшаны было всего 10 верст и ехать можно было большаком, но подводчик сказал, что повезет меня более близким путем и свернул с большака на какую-то зимнюю дорогу. В результате мы сбились с пути (по крайней мере он так заявил), ехали до Ольшан 3 часа и в'ехали в деревню, как уже потом оказалось, с противоположной от Давидгородка стороны. Я дальше уже ехать не решился и заночевал тут. С рассветом мы выехали дальше и через час приехали .... обратно в Давидгородок. Было ясно, что мой подводчик просто меня дурачит. Но искать другой подводы — было некогда. Я дал ему николаевскую пятисотку и через 3 часа уже был в Семигастичах. Лучшими проводниками по указанию П. должны быть или местный хуторянин А., или начальник местного поста ми-

лиции. Я к ним и обратился. Те предложили или ждать до вечера, когда можно будет ехать дальше на подводе, или отправиться пешком немедленно. Я избрал последнее и вечером того же дня был в Турове. Тут мне не повезло. Случайно я натолкнулся на председателя местного Ревкома, которым был арестован и на следующий день направлен в Пограничный Особый Отдел на ст. Житковичи. Там мне, однако, удалось реабилитироваться, и я благополучно прибыл в Гомель.

Врачебная комиссия продлила отпуск еще на месяц.

Организация за время моего пребывания в Варшаве еще более окрепла. Отовсюду шли требования на литературу, почему я, осветив на первом же заседании нарождение Н. С. З. Р. и Св. в том свете, как было условленно в Варшаве, стал готовиться к новой поездке для доставки в Гомель литературы, которая к этому времени уже должна была прибыть в Хорск. На этом же заседании было решено Гомельской губернской организацией приложить все усилия, чтобы развернуться в областную организацию. Главное — было сфабриковать хорошие документы для провоза литературы по Советской территории. Решено было вести весь груз гужем. Через несколько дней документы были готовы, и я, захватив с собой еще двух молодых людей, отправился. Мы благополучно прибыли в Давидгородок, где за отсутствием польских документов были задержаны местным комендантом полиции. Пока готовились документы для нашего дальнейшего следования, я вышел в переднюю, где находился один из моих спутников, толпа жандармов и какой-то весьма почтительного вида еврей, по всей вероятности, местный раввин. Здесь перед моими глазами предстала очень характерная для Польши картина, с которой хочу ознакомить читателя. Один из жандармов чистил сапоги, но они упорно не хотели блестеть, несмотря на то, что он каждое свое движение сопровождал крепким ругательством. Ему на помощь пришел один из его товарищей, мигнув на высокую, мягкую шапку еврея. Первый из жандармов, долго не думая, подошел к еврею, снял у того с головы шапку и при помощи ее, действительно заставил блесеть свои упрямые сапоги. Закончив чистку, он бросил шапку вместе со щеткой под скамейку и пошел в другую комнату, прося чтобы там сидевшие отгадали, чем это он так шикарно вычистил свои сапоги. Конечно никто отгадать не мог. Шапка между тем опять очутилась на голове еврея. Но первый жандарм, видно коновод всей этой группы жандармов во всех ее проделках, решил довести еврея до белого каления. Накинув

себе на плечи скатерть и, став лицом в угол, он затянул высоким протяжным тенором: «Ду-бо-вы-дро-о-о-ва, Ду-бо-вы дро-о-о-о-ва». Видно, что это была уже всем знакомая и привычная картина, потому что все остальные жандармы тотчас же подхватили, кто «сосновы дрова», кто — «еловы дрова» и т. д. Картина получилась топнотворная. Еврей то краснел, то бледнел, но сдерживался. Я вышел на двор. Подали лошадей. Документы были готовы, и я поехал дальше в Хорск. Литература уже была в Хорске и ее упаковали для дальнейшего следования. Сюда же было прислано несколько представителей от Всероссийского Комитета, которые торчали тут решительно без всякого дела. Главным считался поручик Костин, который служил одновременно и в польской дефенсиве. Последний предложил, пока будут наряжать подводы и укладывать на них литературу, зайти к нему. Захожу. Меня встречает высокий молодой человек в пенсне. Представляюсь — «Павел Спекторский». Тот с невозмутимым видом отвечает: «Я — тоже». «Как?» — спрашиваю я. «Я — тоже.» — «Это ваша фамилия?» — Нет. Но он тоже — Павел Спекторский. Оказалось, он живет по моим документам, выданным мне Вторым Отделом П. Г. Штаба, которые я, при своем от'езде в Россию, оставил у Микуловского. Литература скоро была нагружена и мы тронулись в обратный путь. Границу, Туров и нейтральную зону проехали без всяких приключений. Но тут я увидел, что если вести груз до Гомеля гужем, то не хватит средств на оплату подвод, почему и повернул на Житковичи, решив там его погрузить в вагон и вести до Гомеля по железной дороге. Номер прошел удачно и литература без всяких приключений благополучно прибыла в Гомель. Но гомельчане, предполагая, что мы повезем ее гужем, как было решено при отправке за нею, не ждали, что мы так скоро вернемся и не приготовили места, где ее сложить. Половину принял к себе на квартиру Гельнер, а из другой половины два мешка выплыли наверх произведя в Гомеле большой переполох. Вдобавок, в это же время в окрестностях города шалила очень сильная банда чисто погромного характера, возглавляемая Голаком. Город был об'явлен на военном положении. Начались аресты Дав указания, пока атмосфера не разрядится, работу приостановить, я выехал обратно в Варшаву, куда меня вызвал Виктор Викторович.

До Давид-Городка я опять доехал без всяких приключений. На польской стороне меня уже повсюду встречали как

своего человека. В Давид-Городке я остановился у коменданта полиции. Сюда явился и поручик Костин. Через некоторое время в комендантуру привели несколько одетых «подбуденовцев» — украинцев. Последние заявили, что они едут от атамана Орлика к Петлюре. Были у них и некоторые документы, удостоверяющие это. Но поручик Костин заявил, что содействовать их проезду в Варшаву не может. Другое дело, если бы они направлялись к Савинкову. Как я уже потом в Варшаве слышал, ходоки Орлика потом и согласились войти в связь с Савинковым.

Через два дня я уже был в Варшаве. Виктор Викторович ничего определенного сказать, почему он меня вызвал, не мог и перечислял ряд мелких причин, которые даже все вместе взятые не могли оправдать моего вызова в Варшаву. Из постоянных жалоб на французскую миссию, которая скаредничает со средствами, я пришел к заключению, что необходим новый нажим на них с моей стороны, что это и является главной причиной моего вызова в Варшаву. «Между тем», говорил В. В., — «мною получены сведения о назревающем в ближайшем будущем столкновении между Францией и Польшей с одной стороны — и Советской Россией, Германией и Латвией — с другой. Я считаю, что положение Франции и Польши в этом случае будет весьма тяжелым, ибо на серьезную помощь со стороны Англии и Италии им расчитывать не приходится. Положение их ухудшится еще тем, что народы Германии и Латвии будут считать эту войну, войной за сохранение наций. Вдобавок, ввиду участия в войне Советской России, на стороне последнего блока будут и идущие за Коминтерном революционные рабочие стран Антанты и Польши. При таком положении, Польша, окруженная тремя враждебными государствами, или вынуждена будет сразу капитулировать, или все равно будет раздавлена. В наших интересах, конечно, эти сведения поддерживать и соответствующие сведения с вашей стороны о намерениях Советской России могли бы принести значительную пользу. Как Франция, так и Польша стали бы гораздо внимательнее относиться к нуждам Н. С. З. Р. и Св. Чтобы эффект получился более сильный, вам нужно раздуть сведения о работе подпольных организаций германской ориентации в России, которые тоже будут этот поход популяризировать, а между прочим, и о значении и численности той подпольной организации германской ориентации, на которую вы натолкнулись». Нужно сказать, что одному из членов Гомельской организации действительно удалось устано-

вить наличие таковой, но ничего более не было известно, даже кто стоит во главе ее и какова ее политическая физиономия.

В Информационном Бюро Французской Миссии меня встретили тепло. После сообщения капитану Д е р о ш всего того, что мне было известно про организацию германской ориентации, французы действительно заинтересовались ею и шеф бюро заявил, что в случае, если бы нам удалось получить относительно упомянутой организации более определенные данные, наш кредит мог бы быть значительно расширен. Однако, и так после моих настояний шеф бюро согласился, отпускаемые как Западному Областному Комитету, так и Всероссийскому Комитету, суммы значительно увеличить, но при условии, чтобы моя информация о Советской России шла не через Виктора Викторовича, а непосредственно в миссию. Я обещал со своей стороны сделать все от меня зависящее для достижения этого и обещал впредь всю корреспонденцию, предназначенную для них, отправлять в отдельных папках.

В Всероссийском Комитете ничего нового не было. Работа шла очень вяло и хотя с Н. С. З. Р. и Св. вошел в связь ряд партизанских отрядов, вся постановка дела стояла далеко не на высоте. Программы Союза были напечатаны и вдобавок не одна, а целых три: одна для крестьян, другая для интернированных армий и третья для отправляющихся в Россию организаторов. Все они между собой значительно разнились не только по стилю, но и по содержанию. В общем же все были составлены невероятно туманно и многие пункты можно было толковать и так и сяк. Я обратил на это внимание Виктора Викторовича. «Это для того» — сказал он, «чтобы не отрывать ни правых, ни левых». Но ни меня, ни кого либо другого из Советской России они удовлетворить не могли. Я заметил это Виктору Викторовичу и настаивал на созыве с'езда из представителей организаций Союза и повстанческих отрядов, действовавших на территории Советской России. В. В. отказал наотрез — это технически не выполнимо. Я продолжал настаивать на своем, указывая, что мои частые переходы границы доказывают, что это даже легко выполнить, но он остался при своем.

Мне в Варшаве дольше задерживаться было нечего и я стал готовиться в обратный путь. Ввиду наступившей оттепели (было начало марта), район Турова становился трудно проходимым, и я решил установить новую постоянно действующую линию для безопасного перехода границы и отправки корреспонденции в районе Рубежевичи-Койданов. В Варшаве

в это время был и Начальник Рубежевичского Информационно-Агитационного пункта — поручик Орлов. Он хвалился своим удачным налетом на м. Койданово. По его словам, захваченные его отрядом при налете документы были проданы Информационному Бюро Французской Миссии. Когда я спросил его мнение, поскольку он считает возможным организацию постоянно действующей почтовой линии с головным пунктом в Минске, он сказал, что таковую создать очень легко, что мне для этого только следует обратиться к его заместителю полковнику Павлову, который вдобавок и меня доставит без малейшего риска в Минск. Он сам выехать со мной не может, потому что должен еще получить из Французской Миссии обувь для партизан. Перед самым от'ездом я опять встретился с ним. Он сообщил, что получил от Виктора Викторовича разпоряжение, «налет на Койданов повторить и сделать новый налет на пограничный Особый Отдел».

Получив печать для Западного Областного Комитета, удостоверение, что я являюсь Уполномоченным Всероссийского Комитета Н. С. З. Р. и Св. в Советской России и программы, напечатанные на полотне, я выехал обратно в Россию. По прибытии в Рубежевичи, я вместе с заместителем поручика Орлова, полковником Павловым отправился к начальнику местного поста дефензивы — вахмистру Туори, который должен был выдать пропуск для дальнейшего следования. На столе у вахмистра Туори стоял русский полевой телефон. Я занитересовался как он сюда попал. «Это захваченный в Койданове», сказал Павлов. Оказалось, что главарем группы партизан, сделавшей налет на Койданов был не п. Орлов, а п. Павлов. Он с 12 партизанами ночью ворвались в Койданово, где перевязали милицию, охранявщую Ревком, забрали все дела Ревкома, телефоны и оружие. По возвращении в Рубежевичи имущество военного значения было сдано в. Туори а захваченные дела и документы повез в Варшаву пор. Орлов. Относительно проводника для дальнейшего следования, Павлов дал мало утешительный ответ. В лучшем случае — найдется проводник до одного хутора в 4 верстах от Койданова, где тогда проживала супруга пор. Орлова. На следующее утро проводник явился и мы отправились. Проводник уже сразу заявил, что он дорогу знает не совсем твердо, почему я занялся изучением нашего пути по карте. Действительно, не успели мы дойти до полпути, как мой проводник стал сбиваться и мне все время пришлось направление поправлять по компасу. Наконец, мы до-

брались почти до самого Койданова. Но тут, выходя из леса, мы наскочили прямо на пост конной милиции, который нас и заметил. Мой проводник, шедший несколько позади меня, бросился обратно в лес. При мне было только 100 000 рублей николаевскими. Удостоверение, программы и печать были хорошо зашиты, и я за них не опасался. Деньги я успел уронить за куст. Документы были в порядке, и я пошел навстречу милиционерам. Те сначала было арестовали меня, но удалось убедить их оставить меня в покое. И они, отобрав у меня только револьвер — уехали в Койданово. Я вернулся обратно в лес, чтобы разыскать брошенные деньги. Но это было не так легко, ибо снега уже не было, следы не были видны и начало вечереть. После долгих поисков деньги были найдены. Вылез из лесу и мой проводник, но я решил, что дальше уже лучше будет итти одному. Через полтора часа я был на хуторе. Но тут опять казус. Меня никто не знал, а П а в л о в записки не дал, предполагая, что туда вместе со мной пойдет и проводник. В конце концов, однако, мы сговорились, и я получил подводу до Минска. В Минске я остановился на 3 дня и только после того, как удалось наладить постоянно действующую курьерско-почтовую связь из Минска до Столбцов, я выехал дальше в Гомель. Здесь, как и следовало ожидать, «программы» оставили удручающее впечатление. Собравшийся тотчас в расширенном составе Областной Комитет решил программы «разнести». Но когда приступили к редактированию ответа Всероссийскому Комитету, нашли необходимым резкости сгладить. Как-то неловко было Областному Комитету «разносить» программу выработанную Всероссийским Комитетом и ограничились тем, что в программу внесли поправку, что Н. С. З. Р. и Св. не против Советского строя, а только против диктатуры коммунистической партии. В Западной области решено было программу Всероссийского Комитета распространить с внесенными нами поправками и самым категорическим образом настаивать на созыве с'езда.

Кронштадтское восстание, конечно, сильно взбудоражило умы подпольников и вызвало большой под'ем духа, который после падения Кронштадта заменила апатия. На этот раз я долго в Гомеле не задерживался и выехал в Смоленск, чтобы там наладить дело. Пробыв неделю в Смоленске, я возвратился в Гомель, вызвав одновременно туда кое-кого с мест. Уже из Гомеля написал короткую докладную записку во французскую миссию в духе указаний, данных мне Виктором

Викторовичем. Однако, когда через несколько дней я получил отчет о с'езде командующих в Москве, мне стало ясно, что даже при всем желании обрисовать мероприятия Советской власти в воинственном духе — это невыполнимо, ибо факты будут говорить другое и наша фальсификация все равно скоро будет разоблачена. Отправляя краткий отчет о С'езде командующих, я уже написал и отправил два подробных доклада в миссию, указывая, что Советская Россия переводит Красную Армию на мирное положение и что, по крайней мере в этом году, никаких выступлений со стороны ее ждать не приходится.

В работе организации определенно намечался застой. Благоприятные сведения шли только из двух уездов, из которых один сообщал, что он к весне будет готов к выступлению. В остальных уездах дело стояло на мертвой точке. Одни видели причину застоя, как результат декрета о продналоге, другие в несоответственности программы и в устарелости основной инструкции. Было постановлено, чтобы я опять вернулся в Варшаву, но чтобы к моему голосу лучше прислушивались послать со мной еще одного из членов Гомельского Губернского Комитета — К о р ж е в а. Там требовать, с одной стороны, созыва с'езда для пересмотра программы, изыскания новых более действительных и соответствующих моменту приемов работы, а также пересмотра и переработки «основной инструкции Н. С. З. Р. и Св.». Для обследования К-го уезда, заявившего себя почти что готовым к выступлению, был послан один из членов Губернского Комитета. Член Областного Комитета С м е л ы й выехал для организации ячейки в Чернигов, а я с К о р ж е в ы м 18-го апреля в Варшаву .

Организованная при моем последнем возвращении из Варшавы курьерско-почтовая линия работала великолепно. Из Гомеля мы выехали вечером 18-го апреля и ночью 20 апреля прибыли в Рубежевичи. Но тут мы узнали кое-что не совсем приятное: Информационно-Агитационного пункта в Рубежевичах уже нет. После повторного налета поручика О р л о в а и полковника П а в л о в а на Койданов, на этот раз уже более крупными силами, совпавшего с ратификацией русско-польского мирного договора и вызвавшего осложнение в русско-польских отношениях, информационный пункт перенесен в Столбцы, во главе его поставлен полковник С у е в с к и й, а поручик О р л о в, полковник П а в л о в и выдавший им для вооружения налетчиков оружие, Вахмистр Т у о р и арестова-

ны и отправлены в Варшаву. В Рубежевичи прибыла для расследования последних событий русско-польская смешанная комиссия, в которую с польской стороны вошел начальник Бюро Офензивы 4-й армии, поручик Рогальский, с которым я познакомился при своем последнем проезде через Столбцы. Я направился к нему. Он подтвердил все вышесказанное, добавив, что налет на Койданов был произведен неорганизованно, слишком открыто, а главное пострадало от него мирное население. Дать мне документы для следования прямо до Варшавы он отказался и дал только сопровождающего до штаба 4-й армии. Остановка в Слониме влекла за собой напрасную трату времени, но все попытки снестись из Столбцов со штабом армии, чтобы получить документы прямого следования, оказались тщетными и пришлось смириться. В штабе армии, в результате Койдановской истории, кое кому влетело, почему нас встретили очень холодно, если даже не враждебно. Из-за задержки в Слониме, в Варшаву мы прибыли только утром 26-го апреля. С вокзала я и Коржев направились прямо в «Брюль». Новости, которые сообщил Виктор Викторович были хуже, чем я мог ожидать: поляки предложили к 26 апреля очистить всю пограничную зону от находящихся там партизанских отрядов. Организаторы Койдановского налета поручик Орлов и полковник Павлов предаются суду; благожелательно настроенные к Союзу лица в штабе 4-й армии, заменены другими. Штабом 4-й армии отдано распоряжение следить, чтобы в пограничную зону не направлялась агитационная литература, направленная против Советской России и приказано уничтожить уже имеющуюся там антисоветскую литературу; 2 эшелона интернированных уже отправлены в Россию и подготовляется отправка еще нескольких. Отношения со Вторым Отделом П. Г. Штаба натянутые, а главное им перехвачена вся моя последняя корреспонденция, адресованная Всероссийскому Комитету, и французской миссии.

По словам Виктора Викторовича, данный поворот польской политики не является неожиданностью: его ждали, но не в такой крутой форме. Его пытался смягчить Борис Викторович, своим личным посещением Главы Государства, но без успеха. Руководители польской политики, конечно готовы были бы и дальше столь же открыто поддерживать Савинковскую организацию, но от этого их удерживает боязнь перед общественным мнением, особенно перед рабочими массами. Неудача эта побудила Бориса Викторовича выехать

в Париж, чтобы там попытать счастья, ибо по сие время Польша всегда действовала по указке Франции. Если только правительственные круги последней уделят хотя бы и небольшое внимание работе организаций Бориса Викторовича, безусловно сразу изменится и отношение к Союзу Польши. Б. В. помимо этого, как одну из целей своей поездки в Париж, ставил установление более тесного контакта с парижскими политическими группировками. Пока еще об успехах Б. В. ничего определенного не было известно, но в Париж выехал также ген. Нисселъ и следовало ждать, что последний повлияет на результат поездки Бориса Викторовича в благоприятном смысле. Я намерен был тот-час же отправиться во французскую миссию, чтобы более точно установить подробности перехвата моей корреспонденции. Я допускал, что могли быть перехвачены сборники приказов, которые не были как следует упакованы, и на которых не было адреса французской миссии. Но чтобы польский штаб намеренно перехватил пакеты, на которых черным по белому было написано, что они направляются Шефу Информационного Бюро Французской Миссии, мне что-то не верилось. Я не допускал, чтобы поляки были настолько нетактичны и бросили Франции подобный вызов. Виктор Викторович просил меня обождать, указывая, что он тоже пойдет вместе со мной и Коржевым. Всю дорогу от «Брюля» до Иерусалимской аллеи, на которой помещалась миссия, Виктор Викторович читал нам лекцию, что и французы не лучше поляков, что и они тоже преследуют только личные свои интересы, что помогая Колчаку, Деникину и Врангелю, они только думали о получении обратно царских долгов. Говорил о скаредности французов в данный момент, и как заключение вывел, что всему этому и мы у них должны учиться. Разговор в миссии был короток. Французы сами ничего не знали, как произошел перехват польским штабом адресованной им корреспонденции, знали об этом только со слов Виктора Викторовича, были невероятно возмущены бестактностью поляков и грозили им, по возвращении г. Нисселя, всеми небесными карами. Виктор Викторович подзадоривал их еще более: «Как это вы допускаете, чтобы Польша, которую вы спасли от разгрома, осмеливалась перехватывать и вскрывать адресованную вам корреспонденцию. В добавок там были весьма ценные документы, как отчет о с'езде командующих и т. д.» В результате капитан Дерош выходил из себя от возмущения бестактностью поляков. Но последняя фраза

Виктора Викторовича, что перехвачен отчет о с'езде командующих, меня навела на грустные размышления, что корреспонденция, предназначенная для миссии, перехвачена не польским штабом, а им самим, ибо насколько мне помнилось, я ему об содержании пакетов, направленных в миссию, ничего не писал. Мне уже тогда вся картина рисовалась в следующем свете: польским штабом при аресте Орлова были отобраны только приказы, а письма попали к Виктору Викторовичу. Последний, ознакомившись с содержанием моих докладов и отчетом о с'езде командующих, решил корреспонденцию дальше не передавать, свалить вину в перехвате последней на поляков и убить этим сразу двух зайцев: во первых, вызвать обостренное отношение между Французской Миссией и Польским Генеральным Штабом, что последний безусловно поймет, как нажим со стороны миссии в пользу Савинкова, и во вторых, уберечь в целости сфабрикованную им «утку» о воинственных намерениях Советской России. Попади мой доклад и отчет о с'езде командующих по назначению, и вся его работа пошла бы на смарку. Сейчас же, можно было использовать и меня для укрепления уже получившегося от Савинковской «утки» впечатления. А обстановка этому благоприятствовала. Что Германия согласится исполнить пред'явленные в ультиматуме союзников требования, многие сомневались: в Верхней Силезии изо дня на день ждали кровавых столкновений; недовольна Польшей была и Литва. На беду в Венгрию возвратился экс-император Карл и в Берлин приехал Скоропадский. Необходимо было, чтобы и я подтвердил в миссии и польском штабе данные о воинственных намерениях Советской России. В этом направлении немедленно был сделан нажим Виктором Викторовичем и я, конечно, уступил.

В этот же день я узнал, что в составе Всероссийского Комитета произошли значительные изменения. В состав его новыми полномочными членами вошли — лидер демократического крыла Донского Войскового Круга, войсковой старшина Гнилорыбов и в качестве представителя Петроградских организаций генерал (!) Эльвенгрен. Если введение первого в состав Всероссийского Комитета я кое-как еще мог переварить, то появление на сцене на ряду с Савинковым г. Эльвенгрена меня убило окончательно. Я решительно потерял способность разбираться, что тут творится. Однако, я пока на этой фигуре останавливаться не буду, ибо намерен с ней хорошо ознакомить читателя несколько позже.

Коржев торопился дальше и я настоял, чтобы на следующий же день было собрано заседание Всероссийского Комитета. Оно действительно и состоялось. Помимо меня и Коржева на нем присутствовали: Виктор Викторович в качестве председателя, Эльвенгрен, Гнилорыбов и от Белорусской организации Злоцкий. Последний только что прибыл, чтобы установить связь с Н. С. З. Р. и Св. и настоящему собранию надлежало рассмотреть условия, на которых возможно заключение договора между обоими организациями. Из доклада Виктора Викторовича выяснилось, что Н. С. З. Р. и Св. за последнее время значительно вырос и В. В. удалось заключить ряд тактических договоров с другими организациями, как например, с Петлюрой, Кубанской Радой и что с введением во Всероссийский Комитет Эльвенгрена в Союз вливаются и все петроградские подпольные организации (последнее сообщение однако вызвало во мне большие сомнения в его достоверности).

Все условия, выставленные Злоцким, были приняты, но договор не мог быть заключен по причине отсутствия у последнего достаточных полномочий. Выставленное от лица Западного Областного Комитета требование о созыве с'езда было отклонено, как технически невыполнимое, а переработка основной инструкции была возложена на комиссию из Виктора Викторовича, Эльвенгрена и меня. На этом же заседании был назначен командующий повстанцами Западного фронта гражданин Смоленский, которому надлежало немедленно координировать действия всех повстанческих отрядов. Это назначение замечательно тем, что никакого Смоленского на самом деле не было: его еще надлежало подобрать. Это была только кличка лицу, от имени которого должны были отныне действовать все повстанческие отряды. Правда, несколько кандидатур рассматривалось, но ни на одной не остановились.

По окончании заседания Всероссийского Комитета вся компания за исключением Злоцкого направилась обедать в ресторан «Рим». Коржев должен был на следующий день выехать обратно в Россию и ему частью по дороге в ресторан, частью уже во время обеда были даны следующие указания:

1) Составить список всех лиц с немецкими фамилиями, занимающих командные должности в Красной Армии или служащих в штабах и Управлениях Военного Ведомства.

2) Сфотографировать на фоне обучающихся красных командных курсов кого либо в немецкой форме.

3) Во что бы то ни стало войти в связь с немецкой организацией и постараться заключить с ней договор о том, что она окажет содействие Западной Организации средствами и оружием. Если же это не удастся, сфабриковать подобный договор самим.

Все эти документы предназначались для французской миссии. Первый из них предполагалось выдать за список германских офицеров Красной Армии, а второй должен был наглядно иллюстрировать возрастание германского влияния в Советской России, и что подготовка командного состава Красной Армии передана германским инструкторам. Третий же, дабы сказать французам, что вот, учитесь у немцев: они несмотря на то, что им идет на встречу Советская власть, не пренебрегают антисоветскими группами и, несмотря на всю свою бедноту, оказывают им посильную поддержку. А вы, победители, которых вдобавок Советская Россия ненавидит и с кем она постарается расчитаться при первой возможности, сидите на каких-то грошах.

Коржев на следующий день выехал обратно в Россию, я же остался дожидаться приезда Бориса Викторовича, от которого получились более благоприятные сведения. Одна телеграмма от него гласила, что хотя пока еще ничего реального нет, но за то много обещаний; вторая, что он приглашен в Лондон министром колоний лордом Черчилем. 29-го апреля вернулся в Варшаву ген. Нисселъ и Польша сразу повернула руль своей политики в благоприятную для Савинкова сторону. Уже и до этого Польшей был сделан ряд шагов, указывающих, что она меняет по отношению к Савинкову гнев на милость, так например: уже Коржеву было выдано удостоверение на провоз ядов, а в «Брюле» все чаще стала появляться представительная фигура полковника Сологуба-Девойно, на которого главным образом было возложено попечение об интернированных. Последний первым делом уверил, что отправка интернированных им приостановлена и впредь будет производиться только с согласия г. Одынца и Б. В. Савинкова. Немедленно были возвращены перехваченные Виктором Викторовичем сборники приказов, но отчета о з'езде командующих и моих докладов не было. 30-го апреля был выпущен из тюрьмы п. Орлов. В этот же день приехал и Борис Викторович.

Первое мая, совпавшее с первым днем православной Пасхи, прошло довольно бурно. Между манифестантами и полицией произошел ряд столкновений. Последней было пущено в ход оружие, благодаря чему были раненые.

Второго мая Борис Викторович делал доклад о Р. Э. К. с момента ратификации русско-польского договора, переименованном в «Ликвидационную Комиссию» и о результатах своей поездки в Париж. Если верить его докладу, то достижения были значительные. Был установлен контакт с некоторыми русскими политическими группами в Париже, организован трест для снабжения всеми предметами первой необходимости тех местностей, в которых, в случае восстания удалось бы свергнуть Советскую власть, получено обещание субсидии со стороны Министерства Внутренних Дел и Военного Министерства Франции и т. д., но так как мне потом не удалось проследить, поскольку все эти достижения оказались достижениями на деле, то я на них более подробно останавливаться не буду.

В этот же день я был принят Борисом Викторовичем. Я повторил свое требование о созыве С'езда. Не взирая на возражения Виктора Викторовича, Борис Викторович взял на этот раз мою сторону и с'езд был назначен на 5 июня с. г. В конце нашего разговора Б. В. сказал, что ввиду того, что он не принял предложения лорда Черчилля прибыть в Лондон, следует ждать, что Союзом заинтересуется местная английская миссия. Он сам туда не пойдет и поэтому придется пойти туда мне и Виктору Викторовичу. Доклад должен делать я, как приехавший с территории России и этот доклад должен заключаться в следующем.

1) Советская Россия, в случае вооруженного столкновения между союзниками и Германией, станет на сторону последней. Это подтвердить всеми данными, имеющимися в распоряжении Виктора Викторовича (т. е. полностью передать «утку», выпущенную последним).

2) Антисоветские организации организованы в значительной степени. Все партизанские отряды находятся в тесной связи с соответствующими комитетами, которые и руководят их деятельностью. Повсеместно организованы подпольные областные, губернские и уездные комитеты.

3) Советская Россия переживает небывалый продовольственный, транспортный и топливный кризис.

4) Советская Россия сама нуждается решительно во всем и ни о каком товарообмене не может быть и речи. Она может торговать только до тех пор, пока не иссякнет золотой фонд.

5) Крестьянские восстания охватывают все более значительную территорию России и на борьбу с повстанцами Совет-

ская власть вынуждена была послать целые карательные армии.

Антисоветские организации на территории России в данный момент уже настолько окрепли, что в помощи Антанты не нуждаются, хотя, конечно, эта помощь могла бы значительно ускорить падение Советской власти. Подпольная Россия считает союзников «бывшими союзниками», так как они изменили ей еще в 1917 году. К Англии, не уделявшей никакого внимания антисоветской работе, отношение даже более враждебное, нежели к Германии, ибо она первая подала руку Советской России и первая же повернулась спиной к «живым русским силам». Франция все же в антисоветских кругах пользуется значительными симпатиями.

7) Тот же «здравый смысл», который в прошлом году подсказывал Англии порвать с антисоветскими кругами, сейчас подсказывает последним популяризировать поход Советской России на Европу: во первых, наиболее надежные советские части уйдут в глубь Европы, во вторых, новая война вызовет призывы, новые тяготы, недовольство населения и создаст благоприятную почву для антисоветского переворота. Красной армии, оторвавшейся от России, придется считаться с совершившимся фактом. Что фронт при переворотах не может играть никакой роли — показывает февральская и октябрьская революции 1917 года. Конечно, подпольная Россия учитывает, какие бедствия несет с собой мировая война для всей цивилизации, и если бы Антанта опять установила тесную связь с ней, новой войны можно было бы избегнуть.

Действительно, точно не помню, в этот же день или на следующий, за мной и Виктором Викторовичем прибыли полковник С о л о г у б и ад'ютант шефа английской миссии, князь Р а д з и в и л л и мы в четвером отправились в английскую миссию, где я сделал доклад точь в точь, как указал Борис Викторович.

Перед своим от'ездом я зашел опять во французскую миссию. Отношение к Виктору Викторовичу было явно враждебное. Было ясно, что последняя проделка его в значительной мере французами расшифрована. Капитан Д е р о ш открыто заявил, что Второй Отдел П. Г. штаба уверяет: 1) Что мои пакеты, за исключением одного письма (как раз того, в котором я обрисовал положение в России в том свете, как это было желательно Б. В.), которое и было передано по назначению, ими перехвачены не были и 2) что разработку в пол. штабе отобранных у г-жи О р л о в о й приказов разрешил сам В. В. «Виктор

Викторович нас просто шантажирует», дословно сказал капитан Дерош, «и если бы вы согласились с ним порвать, мы могли бы значительно расширить ваш кредит. При данном же положении ваше сотрудничество теряет всякое для нас значение. Впредь необходимо отправку к нам вашей корреспонденции так поставить, чтобы она ни в коем случае не могла попасть в руки Виктора Викторовича». Я предложил им, для достижения этого, послать со мной своего сотрудника, который остался бы в Столбцах и принимал там почту непосредственно от моих курьеров. А для того, чтобы приказы не могли перехватываться до Столбцов, мне были выданы куски полотна с адресом и печатью миссии.

II.

Так как именно этот период, т. е. первую половину мая я считаю периодом расцвета организации, после которого начался период застоя, развала и безконечных провалов, нахожу необходимым остановиться не нем более основательно, сделать некоторые выводы из наблюдений, и выяснить предпосылки, которые сделали гибель организации в самой близком будущем неминуемой.

Всероссийский комитет Н. С. З. Р. и св. к началу мая считался с'организованным в следующем составе: председатель Бор. Викт. Савинков, члены: В. В. Савинков, Дикгоф-Деренталь, Философов, Войсковой старшина Гинлорыбов, генерал Эльвенгрэн и я (П. И. Селянинов). Я остановлюсь на каждом из них в отдельности и постараюсь выяснить их настоящие физиономии, роль которую они играли в жизни самой организации, поскольку каждый из них ответственен за провал ее и за те методы борьбы и приемы работы, которые применялись.

Председатель Всероссийского Комитета Бор. Викт. Савинков, фактический главарь организации, вернее диктатор, ибо все остальные члены Комитета находились под его неограниченным влиянием. В случаях разногласия по какому либо вопросу за ним всегда было обеспечено три четверти голосов.

На этой фигуре держалась вся организация. Б. В. Савинков, при царизме всеми уважаемый революционер, один из лучших конспираторов, организатор целого ряда террористических актов, в исполнении которых сам однако непосредственного участия не принимал. Несколько позже он о терроре писал и нашумел своими беллетристическими произведениями (Бледный Конь).

В период керенщины Б. В. Савинков занимает пост комиссара Временного правительства, при командующем Юго-Запад-

ным фронтом и играет двусмысленную роль в авантюре Корнилова. Но был ли это в 1921 году тот же революционер Савинков, осталась ли в нем хотя бы капелька той прямоты и искренности, которыми по справедливости всегда гордились революционеры? — Нет, и сто раз нет. Он уже успел побрататься, по очереди, то с французами, то с корниловцами, то с деникинцами, врангелевцами, Польшей и тому подоб. и быть апологетом каждого из них. Но интервенция потерпела полное крушение. Все политические эмигрантские группировки, считавшие себя социалистическими или демократическими, общим хором вопят, что они против интервенции. Кается и Б. В. Савинков, кается на страницах «Свободы» и в своих безчисленных обращениях к другим политическим группировкам. Он кается своим блудным пером, но на душе у него совершенно другое; да и не только на душе, даже на его языке: когда он выступает в концентрационных лагерях, когда он принимает представителей из-за проволоки у себя в кабинете, когда он бывает у своего «старого друга» маршала Пилсудского, во французской миссии, в Польском главном штабе, — он продолжает оставаться апологетом внешней интервенции. Порой он настолько не владеет собой, что его перо начинает говорить другое и он на страницах «Свободы» проповедует новую интервенцию против Сов. России, в виде одновременного наступления, организованных на территории прилегающих к Сов. России государств отборных «гарибальдовских тысяч». Если он все же стеснялся открыто проповедывать новую интервенцию, то вся его закрытая от взоров широких масс, закулисная деятельность была насквозь проникнута духом новой интервенции . . . Ее подготовке он только уделял внимание. Вся его деятельность в Польше после крушения попытки наступления осенью 1920 года, только и сводилась к тому, чтобы спровоцировать новую войну между Польшей и Россией, сохранить на этот случай в целости остатки интернированных армий, заручиться поддержкой Франции, подготовить и сплотить к новому походу эмигрантщину. Чтобы достигнуть этого не останавливался перед самой безобразной фальсификацией сведений о советской власти, о настроении широких масс в России и т. п.

По отношению к г. Врангелю двуличность Савинкова перешла всякие пределы. Осенью 1920 года Франция согласилась оказать ему свою поддержку при условии признания верховным правителем России барона Врангеля. Б. В. Савинков заявлет на всю Европу, что он безоговорочно признает Врангеля, что вся его деятельность будет направлена на поддерж-

ку последнего, на деле же он посылает в части, формируемые представителями Врангеля своих эмиссаров, возлагая на них обязанность разлагать эти части и перемашивать откоповшиеся от этих частей элементы в формируемую им армию (Булак-Багаховича). Его эмиссары, проникая в армию Врангеля и Петлюры, как черви раз'едали последнюю. В конечном результате армия Булак-Балаховича оказалась бандой погромщиков, а врангелевские и петлюровские части совершенно не боеспособными.

Уже в 1921 году, когда он в печати открещивался от Врангеля и от интервенции, какая то часть высказалась, что она считает себя подчиненной только Врангелю и его представителям. Б. В. ответил следующее: «заявите им, что я являюсь представителем Врангеля в Польше и всегда сам ему подчинялся». Может ли быть еще больше двуличия?

Будучи свирепым противником керенщины и Керенского, Савинков приглашает к себе Донского Керенского, войскового старшину Гилорыбова, чтобы тот забавлял казаков своей болтовней; того самого Гилорыбова, который разложил казачьи части Врангеля и произвел раскол в Донском казачьем кругу. Гилорыбов необходим ему для того, чтобы дирижировать казачьими частями. Такая же неискренность в национальном вопросе. В печати он демократ, для него национальность, вероисповедание роли не играют, он ярый противник еврейских погромов, печатает даже воззвания против погромов, разсылая их не только в редакции еврейских газет, но и еврейским общественным деятелям. На деле его армия оставляет за собою пылающие еврейские местечки, сотни изнасилованных женщин и трупов младенцев и стариков. В своем кабинете в Брюле он советует в союз «жидов» не принимать. На заседании Р. Э. К., делая доклады о своей поездке в Париже, он говорит: «против нас яро был настроен республиканский блок за осенние погромы, но мне удалось их убедить, что я был противником погромов, после чего обещали травлю на нас в печати прекратить. Этому блоку я лично значения не придавал, потому что в нем нет даже ни одного человека христианского вероисповедания». В кругу своих генералов этот революционер-террорист слывет даже примерным христианином. Еще далее его политика шантажа и двуличия заходит при заключении договоров с другими политическими группировками и антисоветскими организациями. Чтобы включить их в свой букет или распространить на них свое влияние — он поднимется под чем угодно. Конечно, ни одной

минуты серьезно не думает исполнить то, под чем подписывается. В этих договорах он признает и самостийную Украину и независимую Белоруссию и даже автономную Кубань. В Брюле же он смеется над самостийной Украиной: «Разве Россия может существовать без Украины», — говорил он, заключая тактический договор с Петлюрой, по которому устанавливается разграничительная линия, южнее которой он не должен вести самостоятельной антисоветской работы. О соблюдении его он не думает даже в тот момент, когда подписывает. Напротив, он организовывает новые информационно-организационные пункты непосредственно у границы самой Украины. Уделяя правобережной Украине и Киеву особое внимание, он направляет туда ряд своих эмиссаров-организаторов, на которых возлагается обязанность не только создавать там новые организации, но и входить в связь с существующими украинскими организациями, партизанскими отрядами (петлюровскими) и переименовать их в Н. С. З. Р. и Св. Если это делалось по отношению к Петлюре, то чего же следовало ждать белорусским организациям и Кубанской раде?

По отношению к террору в первые два месяца существования организации он был куда сдержанней своего брата, но уже в марте превратился в самого заядлого проповедника террора не только против коммунистов, но и против всего хозяйственного аппарата советской России. Особые надежды он возлагал на партизанские отряды, которые в его воображении превратились в «Гарибальдовские тысячи». —

Однако работе непосредственно на территории России Савинков никогда большого значения не придавал, оставаясь в душе апологетом внешней интервенции, подготовке которой предался всей душой. Спровоцировать какими угодно средствами новую войну между Польшей и советской Россией, заручиться поддержкой Франции, подготовить к этому эмигрантщину, общественное мнение стран Антанты и широких масс, вот была его главная цель. Он даже не интересовался положением вещей в России, а обо всем, что там происходило, у него было невероятно извращенное представление. Он все мерил своей мерой. Об каждом случае, каждом мероприятии советской власти у него было уже готовое заключение, как и о том, какое впечатление данное предприятие произведет на массы. Настоящее положение вещей его не интересовало, наше мнение, т. е. лиц, приходящих из России, он не выслушивал. Сколько внимания он уделял организациям на территории Р. С. Ф. С. Р. и происходящему там, всем станет ясно из того,

что даже мне, члену Всероссийского комитета, представляющему самую организованную областную организацию, организацию, которая в момент выступления должна была сыграть самую важную роль, подготовив плацдарм, на котором могли бы развернуться интернированные армии, — он нашел возможным уделять не более 15 минут на каждое мое посещение Варшавы, а я ведь в Варшаву прибывал на два-три дня (раз в месяц). Какой прием могли устроить при таких условиях представителям других более мелких организаций? Постановка конспирации в самом Всероссийском комитете, организационная сторона и прочее Б. В. не интересовали вовсе. Все зарубежные организации, прием ходоков от них, установление связи с уже существующими организациями и отрядами, организация новых партизанских отрядов, подбор организаторов, отправка их в Россию, отправка туда же агитационной литературы, наблюдение за работой информационно-агитационных пунктов, руководство террором, разведка и даже касса союза были предоставлены В. В. Савинкову. Но что же за «сверхчеловек» был В. В. Савинков, который должен был со всем этим справиться. —

В. В. Савинков, при царизме, в подпольной работе участия не принимал. Бывший офицер в чине есаула. В 1917 году принимал участие в степном походе, за который и приобрел лампасы. Потом служил в Красной армии, и организаторскими, агитаторскими и т. п. способностями, не отличался. Но есть люди, которые хороших сотрудников как следует использовывают. У него даже и этой способности не было. Все его сотрудники были способностей ниже среднего. Короче, его единственное достоинство было то, что он был брат «знаменитого Савинкова». Это был бывший офицер, средних способностей, имеющий привычки на мягком спать, хорошо одеваться, сытно пообедать. Он регулярно обедал в ресторане Рим, платя за обед по 500—700 марок, в то время как отправка групп организаторов задерживалась из за недостатка каких либо 10 000 марок. Вот в руки какого человека была вверена судьба всего Н. С. З. Р. и Св.

До возникновения Н. С. З. Р. и Св. он стоял во главе отделов В. Э. К., то есть во главе разведывательного аппарата, направленного против Сов. России. За короткий промежуток времени он успел, так пристраститься к этой работе, что ее ставил выше всего. Возник Н. С. З. Р. и Св., и он остался по прежнему руководителем шпионажа. Организация его интересовала только постольку, постолько он мог ее использовать,

как аппарат шпионажа. Как это не ужасно, но это было так.

Его интересовала каждая отдельная организация постольку, поскольку она давала ему сведения о красной армии. Количество даваемых о красной армии сведений служило для него мерилом подготовленности организации. Обыденным явлением было, что целые группы организаторов сидели в Варшаве и не могли быть отправлены к месту назначения за недостатком каких либо 30 000 марок, в то же время для лиц с чисто шпионскими заданиями деньги находились. Всем убывающим в Россию организаторам вменялось в обязанность непременно присылать сведения, сводки, приказы о красной армии, чтобы это ни стоило, и как опасно бы это не было. Одно, что удалось ему хорошо поставит, это фальсификацию сведений идущих из Сов. России, но тут ему помогла обстановка. Дело в том, что все военные миссии и разведывательные бюро держав Европы, расположенные в Варшаве, вербуя себе агентов для разведки против Сов. России, набирали их главным образом из бывших офицеров интернированных армий, причем всегда почти просили В. В. прислать им благонадежных лиц. Если же набирали непосредственно сами, то все же запрашивали отзыв о них В. В. Конечно, отзывы давались соответственно тому,посколько данное лицо обязывалось находиться в зависимости от В. В. Как общее для них условие ставилось, чтобы все они, прибывая в Варшаву, прежде чем явиться в соответствующую военную миссию, являлись к нему. Ознакомившись с материалами, он давал указания, в каком свете освещать материалы перед соответствующими разведывательными бюро. Это было для Савинкова большим достижением. Ему удалось как бы установить призму, через которую преломлялись все лучи, идущие из России в Европу, иначе говоря, он заставил Европу смотреть на многое, происходящее в России, через свои очки. Таким образом, в период апрельского пребывания Б. В. в Париже, чтобы упрочить его положение в Польше, были сфабрикованы утки о предстоящем советском наступлении на Европу, что произвело сильное впечатление не только на Францию и Польшу, но даже и на хладнокровную Англию. Для этого были использованы сведения о предстоящей крупной перегруппировке дивизий Красной армии, имеющей конечной своей целью расформирование целого ряда дивизий и перевод армий на мирное положение. Европа же, смотря на это через очки Савинкова, увидела в мирных намерениях Сов. России подготовку к новому наступлению. Цель была достигнута. Положение Савинкова в Польше стало даже более прочным, чем было до ратификации

Русско-Польского мирного договора, но это было достигнуто путем лжи, путем фальсификации сведений. Когда нибудь должна же выйти наверх истина. Помимо разведчиков других государств, находящихся в сравнительно слабой зависимости от В.В., была еще другая категория, это находящиеся одновременно на службе у других государств и у Савинкова. Те, конечно, полностью зависели от него. Таковыми были: разведчик французской миссии штабс-капитан М., сотрудник польской дефензивы в Хорец-Давид городке К., сотрудник дефензивы в Лушнице Д. Г., сотрудник дефензивы поручик К.-П. и друг. Даже офицеры, вербуемые в разведку помимо В. В., все же попадали к нему, потому что связь с ним давала им целый ряд преимуществ: так границу они переходили при содействии проводников, его пограничных информационных пунктов, он снабжал их документами, а иногда давал им даже явочные адреса зарубежных организаций, предлагая им попутно заняться и организацией ячеек Н. С. З. Р. и Св. Конечно, последним никогда никто из них не занимался, но явочные квартиры становились достоянием широкого круга лиц, достоянием простых шпионов, которые проваливаясь, проваливали и связанные с ними организации. Это был верх неблагоразумия, но это делалось еще до воскрешения Н. С. З. Р. и Св. — В. В. являлся явным сторонником всех форм террора и воспевал террор во всех инструкциях информационным пунктам Р. Э. К. В первое время существования союза, он не обладая способностями, и не имея возможности организовать более осмысленный террор, делает распоряжение начальникам информационных пунктов производить налеты на пограничные к Польше местечки, воскрешая тем самым картины подвигов Булак-Балаховича. Первые налеты сходят удачно, но вторичный налет поручика Орлова на мест. Койданово производит столько шуму, что В. В. вынужден дать отбой, и он, сам лично приказывавший своему подчиненному поручику Орлову произвести налет, сваливает вину на последнего, и Орлов отсиживает заместо него в Варшавской тюрьме. Чем дальше, тем пристрастнее относится он к террору в России, террору самому нелепому, неосмысленному, какой только может быть. Он превращается в истинного апостола всех форм террора.

Террористическая программа Виктора Викторовича была следующей:

1) расстрелы коммунистов должны были расшатать Р. К. П. и удержать от вступления в ее ряды новых членов.

2) Террор против Чрезвычайных комиссий должен был застращать последние и ослабить их работоспособность.

3) Террор против крупных советских деятелей, как возмездие за расстрелы членов Н. С. З. Р. и Св. должен был ослабить красный террор.

4) Нападение и разгромы партийных, советских центров и учреждений должны были расшатать весь советский аппарат управления.

5) Нападение на штабы Красной Армии, расстрелы комиссаров-коммунистов, командиров, должны были расшатать Красную Армию.

6) Массовое отправление надежных войсковых частей в момент общего восстания должно было терроризовать остальные части Красной Армии.

7) Нападение на поезда, организация крушений поездов-взрывы мостов, порча телеграфных линий, поджоги фабрик, заводов и складов, должны были окончательно расшатать хозяйственный аппарат Р. С. Ф. С. Р.

8) Расстрелы продработников, поджоги продскладов, должны были обострить голод, вызвать общее недовольствие масс советской властью.

Он как то раз в разговоре со мной бросил следующую фразу: «Мы не должны останавливаться перед тем, чтобы выжечь чистое место, и потом на нем начать строить сначала.»

Во время посещения одного из лагерей военнопленных, где помещались исключительно коммунисты, между ним и некоторыми из коммунистов, старых подпольных работников, завязался разговор. На вопрос В. В., как бы советская власть поступила с ним, если бы он попал в ее руки, один из коммунистов ответил, что по всей вероятности, из уважения к прежней его революционной деятельности не применили бы к нему высшей меры наказания, а ограничились бы его изоляцией. Ведь товарищ Спиридонова участвовала в мятеже в 1918 году и не была расстреляна.

«Напрасно», ответил В. В. «Мы в случае удачи, никому из коммунистов пощады не дадим. Если бы в мои руки попался Ленин, я его не задумываясь повесил бы». Т. е. в случае успеха восстания, если бы ему только была предоставлена возможность, перевешал бы 700 000 русских людей!

Конечно, читатель уже сейчас может себе представить тот хаос и безпорядок, который должен был царствовать в Н. С. З. Р. и Св., когда во главе ее технического аппарата стоял простой шпион, не осмысленный террорист. На этом я сейчас

останавливаться не буду, а перейду к другим членам Всероссийского Комитета, ибо читатель наверное уже недоумевает, спрашивая, что же делали остальные члены Всероссийского Комитета. Ведь Дикгоф-Дерентальь — одно из главных действующих лиц при похоронах 1-го Н. С. З. Р. и Св. Через него поддерживалась связь с французами.

Даровитый фельетонист, всей душой отдавшийся фельетонам, в работе союза не принимал ровно никакого участия, кажется не участвовал даже ни на одном заседании Всероссийского Комитета и был членом только так, на всякий случай, если бы понадобился — Б. В. для представительства или для голосования, короче говоря был членом В. К. только по одному названию.

Тоже самое и Философов с тою только разницей, что он отдался не фельетонам, а по уши угряз в эмигрантской склоке. Тому что делалось в России не уделял ровно никакого внимания. До мая не участвовал ни в одном из заседаний Всероссийского Комитета.

Войсковой страшина Гнилорыбов — среди казаков более известен под кличкой «Донской Керенский». Сыграл выдающуюся роль в разложении казачьих частей генерала Врангеля. Произвел раскол в Донском казачьем кругу, после чего был выставлен из Балканского полуострова и укрывшись под крылышком Б. В. Савинкова сделался членом Всероссийского Комитета Н. С. З. Р. и Св. Заключил договор с Савинковым от имени Донского Казачьего Круга, который еще не существовал, но который он должен был создать на территории Польши. Сам конечно метил в походные атаманы. Апрель и май месяцы был занят исключительно подставлением ноги есаулу Яковлеву, пользовавшемуся среди казаков большой популярностью. Для удаления последнего не брезгал ни чем. Не знаю удалось ли ему это или нет, но в апреле его дела подвигались вперед очень туго, несмотря на то, что в дела вмешивался даже Б. В. и ходатайствовал об удалении есаула Яковлева перед своим старым другом маршалом Пилсудским. Не лучше дело обстояло с составом Донского круга, ибо 2-й отдел П. Гл. Штаба противился даже созыву с'езда интернированных казачьих частей.

Эльвенгрен бывший офицер; какой его последний чин, не берусь утверждать, одни считают его за ротмистра, другие за полковника, а он сам себя представляет, как генерала: в 1917 году еще перед самой Октябрьской Революцией он был ротмистром. Б. В. Савинков его тогда знал, как ярого монархиста ибо он за какие то монархические затеи был

арестован. За период 1918—1920 и 21 года сумел дослужиться до «демократического генерала». Здорово только от его демократизма несло монархизмом. Во время моего последнего пребывания в Варшаве, выходя после обеда «под легкими парами» из ресторана «Рим», он отколол члену Гомельского Губернского Комитета Коржеву дословно следующую фразу: «мы с вами полковник конечно не прочь при помощи этих «банкротов» (демократов) свергать коммунистов, но потом конечно их к чорту, опять погоны, шпоры, аксельбанты, дисциплину». Коржев как зрелый демократ был поражен: совместить Эльвенгрена и «демократа-цареубийцу» Савинкова было для меня трудно. Когда я узнал, что Эльвенгрен вошел во Всероссийский Комитет по настоянию Б. В. демократизм последнего потерял для меня последние остатки девственности. К фигуре Эльвенгрена все же я хочу точнее присмотреться, даже оглянуться назад на его прошлое. И так в 1917 г. он арестовывается за монархические затеи Б. В. Савинковым. После Октябрьской Революции он участвует в финско-гражданской войне, сражаясь на стороне белых. Отличается, как храбрый офицер, командует боевым участком. Его сотрудничество с Манергеймом и пристрастие ко лжи играет потом заметную роль в неудаче наступления на Петроград генерала Юденича. Во-первых он уверил Юденича, что он через Манергейма заручился согласием Финляндии на поддержку наступающей армии Юденича. во вторых он доносил Юденичу, что им организована целая армия, получаются на ее снабжение средства и именовал себя командующим фронтом; на самом деле в его распоряжении было всего несколько сот ингерманландцев. Г. Юденич будучи уверен в выступлении Финляндии и возникновении целого фронта под командой Эльвенгрена, не закончив формирования своего корпуса выступил и был бит. Правда Манергейм не прочь был поддержать Юденича и приложил все усилия, чтобы спровоцировать при содействии Эльвенгрена войну между Финляндией и Сов. Россией, но дело не выгорело. Вся деятельность эльвенгреновского фронта заключалась в спуске под откос одной советской бронелетучки и в обстреле, по указанию Манергейма, приехавшей для обследования границ, Сеймовой Комиссии. В данный момент Эльвенгрен, шпион целого ряда разведок иностранных держав против Сов. России. В апреле прибыл он в Варшаву, что мне совершенно случайно стало известно, для выполнения некоторых поручений начальника польской разведки в Финляндии, г. Пожарского, но тут узнав о существовании Н. С. З. Р.

и Св. решил во что бы то ни стало войти в состав его. Для этого конечно, пришлось прибегнуть к самой гнусной лжи. Он взял на себя роль главы петроградских антисоветских организаций, в то время, как последние открещивались от него руками и ногами: —

«Мы никогда ему никаких полномочий не давали говорить от нашего имени; самое большее, он мог сказать, что опорожнил одну — две бутылки вина с кем нибудь из наших курьеров». Вот дословные слова одного из известных руководителей петроградской организации, сказанные одному из членов Западной организации Н. С. З. Р. и Св. Но этого мало, во время обеда в ресторане «Рим», в котором участвовал Гнилорыбов и Коржев, а потом и на заседании Всероссийского Комитета в Брюле, он имел нахальство уверять, что во время Кронштадтского восстания был в Кронштадте. Правда туда прилетели все разведки и очень удивились встретив друг друга здесь, но Эльвенгрена там не было. Его нахальство перешло уже всякие пределы, когда он заявил, что каждую неделю бывает в Петрограде и, что во время кронштадтского восстания ему было предложено петроградскими организациями взять на себя командование, как уже восставшими кронштадтцами, так и долженствующими восстать в Петрограде. Это абсолютная ложь. Он за весь 1921 г. ни разу не был в Петрограде, а в период кронштадтского восстания спокойно сидел в Финляндии. Правда некоторыми лицами причастными к петроградским организациям была послана ему записка, что они считают своевременным, чтобы он попробовал при содействии ингерманландцев отвлечь внимание Советской Власти от Кронштадта, для чего ему предлагалось набрать 200—300 ингерманландцев и двинуться к Петрограду со стороны острова.

Наконец, шестой и последний член Всероссийского Комитета я сам—Павел Иванович С е л я н и н о в. Т. к я вполне согласен, что каждый человек хуже всего знает самого себя, то на себе долго останавливаться не буду. Происхожу из крестьянской семьи. Детство и юность провел в суровых условиях. Офицер военного времени в чине поручика. В подпольных организациях до революции не работал. В антисоветских подпольных организациях принял участие в начале октября 1920 года. До начала 1921 г. занимал ряд ответственных должностей в военных учреждениях и Штабах Красной армии, Советской России. Моя жизнь — сначала 1921 г. изложена уже реньше. В легкой степени страдаю общим неостатком русского офицерства, истрепавшего свои нервы в течении шести лет в опасностях и лише-

линях, наклонностью к авантюризму. По своим политическим убеждениям всегда примыкал к левому крылу эсеров. До 1921 года жил исключительно в России. Постоянное мое пребывание на территории Советской России давало мне, как в отношении знания психологии масс Советской-России, так и условий и наиболее пригодных приемов и методов борьбы против Советской власти значительное преимущество перед остальными членами Всероссийского Комитета. —

Западная организация, которую в Всероссийском Комитете считали самой организованной (но не самой сильной) создана мною. В действительное состояние и в работу остальных организаций я не посвящался и относительно их сами бр. Савинковы ограничивались только общими фразами. Мое отношение к террору до вступления в Н. С. З. Р. и Св. определилось в «основной инструкции для Западной организации», составленной мною лично в конце 20 г. Отдельные экземпляры этой инструкции по всей вероятности сохранились у членов Западной организации: Громова, Смелова, Зорина, Басова, Коржева, Судоходова и др., но старые члены Западной организации наверно и так помнят ее. Этот абзац, поскольку я могу восстановить его, говорит следующее: «всякое вооруженное, выступление без разрешения на то Областного Комитета, как общее правило, воспрещается и допускается только, как мера самозащиты, для отбития арестованных членов, для расправы над провокаторами и шпионами и, в исключительных случаях, для захвата оружия. Сильные организации могут применять террор, как меру возмездия за расстрелы ее членов, но каждый раз с особого на то разрешения Областного Комитета. Во всех вышеперечисленных случаях предлагается самим членам организации и ячейкам, по мере возможности, не выступать, а пользоваться действующими в данном районе постаническими отрядами, для чего и надлежит в подобных случаях устанавливать с ними контакт, избегая однако постоянной прочной с ними связи».

Закончив обрисовку лиц из которых была составлена верхушка Н. С. З. Р. и Св. я постараюсь развернуть перед своими читателями и самую работу этой верхушки, вернее работу ее технического аппарата.

Вся текущая работа Всероссийского Комитета Н. С. З. Р. и Св. как-то: подбор и отправка организаторов в Советскую Россию, прием ходоков из России, установление связи с уже существующими организациями и партизанскими отрядами, отправка в Россию агитационной литературы и т. д. велась ин-

формационным отделом Р. Э. К. Как я уже выше говорил начальником Отдела был В. В. Савинков. Большинство сотрудников отдела, начиная от ад'ютанта-секретаря начальника Отдела поручика Рудина, была офицерская молодежь (20—25 лет), не имевшая ни малейшего понятия о конспирации. Остальные сотрудники были барышни, про которых сам Виктор Викторович говорил, что они через неделю после приезда Советской миссии будут ходить в советских-ажурных чулках. Опытного конспиратора ни одного. Самые секретные документы, не исключая и карты, на которой были занесены все организации, отряды, ячейки союза вдоль всей Западной границы Советской России, начиная от Петрограда и кончая Киевом, хранились в обыкновенном чемодане в комнате В. В., которая вдобавок очень часто оставалась пустой и открытой. Неудивительно, что в один прекрасный день чемодан исчез вместе со всем содержимым, т. е. и пресловутой картой, документами, печатями и несколькими стами тысяч польских марок. Поднялся шум на всю Варшаву. Была поставлена на ноги вся сыскная полиция. Наконец, через две недели вора обнаружили. Все нашли в целости, за исключением денег и успокоились, как будто со всего содержимого за это время нельзя было снять сотни копий, а при помощи печатей сделать сотни документов. Карта даже после всей этой истории продолжала считаться весьма секретной, и когда В. В. делал мне, Коржеву и Гнилорыбову по ней доклад, то показывал не всю. Однако, мне и всем, даже и рядовым членам Западной организации потом пришлось ее как следует рассмотреть, а именно, тогда, когда мы уже сидели в тюрьме. Оказалось, что эта самая карта служит настольным пособием всех органов Всероссийской Чрезвычайной комиссии.

Порядок хранения документов однако не изменился. Для иллюстрации постановки конспирации еще приведу следующую картину, которую безусловно наблюдала вся Варшава. Перед выходом из Брюля (где и помещается этот злосчастный отдел) установил свой аппарат уличный фотограф, фабрикующий полдюжины снимков с любой физиономии в пять минут. Вы скажете, какое нам дело до этого фотографа. Установил свой аппарат, так пусть себе и стоит. Нет, дело не в этом. Нужно спросить его самого, почему он тут стал и он ответит, что из гост. Брюль ежедневно выходит много молодых людей, отправляющихся в Россию, и что они все перед от'ездом у него снимаются. Действительно, так и было. Для получения документов на выезд в Россию нужно было пред-

ставить во Второй отдел Польского Генерального Штаба две фотографические карточки; конечно, всякий тут же сбегал вниз и снимался. Но зачем в это посвящать фотографа? Последний раз пор. Рудин, принимая от меня снимки с моей физиономии, сказал: «напрасно Вы снялись у нашего фотографа, он у нас на подозрении». Я ахнул. Почему не приняты меры к его удалению или предупреждению хотя кого нибудь об этом.

Случай с чемоданом меня здорово напугал и я решил впредь ему своих тайн не доверять. Но ожидалась отправка к нам организаторов и партизанских отрядов, и необходимо было составить списки ответственных членов организации, явочные адреса, пароль и отзывы для прибывающих. Из всех, больше доверия к себе внушал поручик Рудин. Составив список всех ответственных членов организации, до членов уездных Комитетов включительно, с указанием адресов и явок, я передал ему, наказав ни в коем случае не передавать Виктору Викторовичу, а зашить во внутреннем кармане пиджака, вынимая только тогда, когда он действительно понадобится. Он обещал хранить его как зеницу ока. Я несколько успокоился, хотя карта меня все же тревожила: ведь на ней были нанесены и ячейки Западной организации. В тот же день ко мне в номер зашел полк. П. (он жил в этой же гостинице где и я), отправляющийся на днях не то с партизанскими отрядами, не то с группой организаторов в 30 человек на территорию Советской России. Он самым подлинным образом пролил на мой стол лужу слез умоляя выручить его и отпустить для его группы 25 000 марок из средств Западной Организации. Только из за недостатка этой суммы задерживается отправка его групп. Получив от Рудина подтверждение, что это действительно так, я выдал просимую сумму, тем более, что он отправлялся в губернию, на территории которой все организации в ближайшем будущем должны были перейти в подчинение Западного Областного Комитета.

На следующий день после обеда, подходя к гостинице, я уже издали слышал, несущиеся из нея звуки «Стеньки Разина» потом «Догорай моя лучинушка», исполняемые пьяными голосами. Зайдя в гостиницу я справился у корридорного в чем дело; тот открыто заявил, даже не зная кто я такой, что полковник П. уезжает воевать с коммунистами и поэтому поводу устраивают выпивку. Я понял, на что нужны были мои 25 000 марок. Я решил зайти к П., но то, что я увидел, когда зашел в его номер меня окончательно убило. Номер полон народу. Некоторые уже вдрызг пья-

ные в лужах от различных напитков, а рядом с ними батареи опорожненных бутылок самых разнообразных форм. На одном диване в мертвецки пьяном безсознательном состоянии лежит пор. Рудин, на другом Виктор Строганов, как выразился П.: «гвардия верхом на диване, а пехота шлепает пешком в грязи», т. е. на полу в лужах от различных жидкостей. Среди пьяных шныряют и женщины тоже «в градусах». Сам П. казался несколько смущенным и об'яснил, что это все свои собрались и в складчину разговлялись, а сейчас идет небольшая выпивка по случаю его от'езда в Россию. Женщины, тоже оказались «все свои». Выделялась какая то особа, которую все величали, и к которой все кто хотел прикладывался. Мне тоже было предложено приложиться к какой то обворожительной женщине «на ее плечо», но так как питаю отвращение к женщинам от которых несет спиртом, то я от этого удовольствия отказался.

«Вдовушка» узнав, что я из России, как будто отрезвела и решила заняться мной, сразу забросав меня целым потоком весьма несуразных по моему убеждению вопросов, откуда я, кто я, какую должность занимаю в Советской России и т. п. Я старался уклониться от ответов, но за меня начал уже отвечать П., что я начальник штаба советской армии и т. д. К моему счастью он сам точно не знал, что я из себя представляю в Советской России. «Вдовушка» все же приставала, чтобы я пожертвовал ей бутылку вина, которая имеется в моем номере. «Откуда Вы знаете?» — спросил я удивленный ее осведомленностью. «Поручик Рудин сказал». Оооо — подумал я, до какой уже детали договорились. Бутылка, как она об'ясняла, нужна для того, чтобы «докончить» Строганова, который никак не дает обещания устроить ее на службу в Информационном отделе. Я решил пожертвовать бутылку, чтобы посмотреть, что будет дальше.

Когда я возвратился с вином, то нашел ее занявшейся с Рудиным, виноват.... его бумажником, и о ужас! тем самым в котором он вчера спрятал список ответственных членов Западной организации. Она несколько смутилась, но сейчас же оправилась и с невинным видом мне об'яснила, что ищет гребенку, чтобы причесать косу. У меня на спине пробежали мурашки и я поскорее ушел. Передо мной стоял кошмар. Судьба целой областной организации в руках проститутки. Проститутка слушала все разговоры, куда, когда, и в чье распоряжение направляется целая группа организаторов. Она торгует собой. Разве не легче и не прибыльнее торговать другими.

Если конспирацию, основу всей подпольной работы, заменяла проституция, то что же говорить об остальном. Постановку работы на информационно-агитационных пунктах вы имели уже возможность наблюдать, следя за моими переходами через границу. Получаемая ими агитационная литература или лежала без движения, или, в лучшем случае, использовалась, как Лунинецким информационно-агитационным пунктом, на завертывание селедок в пограничных кооперативах . . . Переходы через границу не были организованы; не были даже обследованы незаметные линии для проникновения к самой границе. Между тем, как показал мой опыт, так легко было организовать безопасные линии для перехода границы и передаточные пункты, если не на сотни то, во всяком случае, на десятки верст в глубину Советской территории. Повсюду, если не продажность и полное распутство, то, во всяком случае, преступное ничего неделание и разгильдяйство. Становилось жутко. Все виденное и слышанное за мое последнее пребывание в Варшаве давило меня зловещим кошмаром. Провал в ближайшем будущем неизбежен. Мне он был настолько ясен, настолько очевиден, настолько я его считал неизбежным, что в день своего от'езда из Варшавы я написал своей семье, проживающей в Риге, что я возвращаюсь в Советскую Россию, откуда, по всей вероятности, уже не вернусь, и где погибну, а поэтому оставляю у Рудина для пересылки через одну из Прибалтийских миссий сувениры для брата и сестры, а также свои последние фотографические снимки.

Благоразумие подсказывало одно — бежать из грязи самому в Россию, уже не возвращаться и крикнуть Западной организации — «Спасайся кто может». Так и следовало сделать. Но я этого сделать не мог. Бросить на произвол судьбы организацию, которую я сам создал, в которую многие вошли только потому, что я стоял во главе ее, я был не в силах. Я решил вернуться обратно в Россию, и возможно скорее, или ликвидировать организацию безболезненно, или хотя оторваться от этой грязи, шантажа и шпионажа, пока еще гром не грянул. Я возвращался, но уже, как жертва. Удар уже был занесен. В день от'езда Рудину было сообщено, что я вошел в состав Всероссийского Комитета и предложено было заготовить мне соответствующее удостоверение. Вместе со мной выехал и сотрудник французской миссии, который должен был впредь постоянно находиться в Столбцах, и там принимать мою корреспонденцию, чтобы таковая не попадала в руки г. г. Са-

виковых. Через два дня я уже был в Рубежевичах. Здесь постарался встретиться с госпожей Орловой, чтобы выяснить виновного в перехвате моей корреспонденции, адресованной во французскую миссию. Орлова утверждала, как и следовало ожидать, что письма у нее во Втором отделе польского генерального штаба отобраны не были, что она спрятала их в платье и потом передала В. В. Савинкову. Слова майора Бека подтвердились — польский штаб во всей этой истории ни причем. Письма попали к Виктору Викторовичу и были им задержаны. Да оно иначе и быть не могло. Ведь если попали бы эти письма в то время по назначению, то сфабрикованная В. В. С. утка, о готовящемся наступлении Советской России на Европу, была бы подстрелена на смерть. Только потому, что эти письма не попали по назначению, можно было и меня, во время моего пребывания в Варшаве, использовать для укрепления, уже получившегося впечатления от этой утки. Организованная, во время моего предпоследнего перехода границы, «почта» работала великолепно. В Рубежевичах меня ждал проводник, и при его содействии я седьмого мая без всякого риска и приключений попал в Минск. Хорошо шла также отправка через границу литературы.

В Минске я уже решил начать подготовку разоблачения того шантажа, в котором я необдуманно принял участие, а именно, что Советская Россия готовится к походу на Европу. В тот же день я написал письмо шефу информационного бюро французской Военной Миссии, что за время моего пребывания в Варшаве политика Советской власти значительно переменилась, что сейчас на всей территории Западного фронта происходят перегруппировки частей Красной армии, которые в значительной степени меняют выводы, к которым я пришел в последнем своем докладе. —

Подробнее я обещал написать из Гомеля. В Гомель я прибыл благополучно, под видом отпускного красноармейца. Организация уже носила зачатки развала. От организации окончательно откололось несколько старых членов близко стоящих к крестьянским массам и в недовольстве последних всегда черпавших энергию для борьбы с советской властью. Я хотел повидаться с ними, узнать их истинные мотивы выхода из организации, но это мне не удалось, т. к. я уже перешел на нелегальное положение, вдобавок в городе, где меня знал каждый мальчик.

Партизанщина доживала последние дни. В то время как наступало лето, когда лес, убежище партизан покрывался листвой, когда сделовало ожидать оживления — партизанские отряды столь живучие даже зимой терпели поражение и исчезали со сцены. Члены Областного Комитета недоумевали. Еще до моего возвращения было составлено обращение к эмигрантам принять меры к оживлению истекающей кровью и слабеющей партизанщины. Подписав его совместно с членами Областного Комитета я его в тот же день отправил в Варшаву, В. В. Савинкову. Вместе с этим я отправил письмо во Французскую Военную Миссию, что общее положение в России таково, что она в данный момент о наступлении и думать не может. Но чем мотивировать это крушение «естественных замыслов Советской России?» Нельзя же было написать, что все это выдумано В. В. С. Я решил взвалить это на развитие партизанщины в Поволжье и в Тамбовской губернии где действительно в это время был разгар партизанщины, так что туда даже пришлось ехать Т у х а ч е в с к о м у.

В Областном Комитете росло недовольство эмигрантщиной. Мной по просьбе членов Областного Комитета была написана резкая обличительная статья против эмигрантщины. Не знаю была ли она помещена в «Свободе» или просто подшита к делу. Все возмущались, что никто из живущих в Варшаве эмигрантов не осмеливается вступить ногой на советскую территорию. Я должен был выехать в Смоленск, но раньше мне хотелось выяснить причины, убившие партизанщину. Из опыта я знал, что партизанщина может существовать только при общем сочувствии партизанам крестьянских масс и враждебном их отношении к советской власти. Без этих предпосылок — не может быть и речи о развитии партизанщины.

Разве уже нет этих предпосылок, разве крестьяне уже поверили, что впредь реквизиций не будет, что их не будут грабить? Разве они поверили, что декрет о продналоге даст им возможность свободно распоряжаться своими излишками? Вопросы толпой возникали в моем уму, и я поехал в ближайшие деревни, чтобы самому поговорить с крестьянами. Впечатление получилось убийственное. Да, крестьяне поверили советской власти, они навсегда отошли от партизанщины, они никогда уже не вернутся к ее поддержке, они уже горой за советскую власть. Единственное, чего они желали — возможности свободно распоряжаться своим излишком, и избавления от реквизиций, они получили. Они поняли, и то,

что сейчас расширение площади посева идет только в их пользу. В деревне мы уже ни одного стороннпка найти не могли. Даже кулаки и те примирились с советской властью, а мы этого перелома, перелома глубокого, решающего о судьбе всего антисоветского движения, своевременно не усмотрели. Нужно было поскорее сматывать удочки. Всякую работу в деревне нужно было бросить, тут не было вовсе почвы для антисоветской работы. А на деревне мы строили ведь свои планы. Весь фронт нужно было менять, нужно было перенести работу в город. Вернувшись я ознакомил Громова с положением вещей и предложил ему ознакомиться с настроением рабочих масс. Он состоял членом Горисполкома, имел некоторые знакомства среди рабочих, особенно среди рабочих железнодорожных мастерских. Через день он опять зашел ко мне и только руками разводил: «о подпольной работе в данный момент думать нечего» говорил он. «С нашей куцой и туманной программой к рабочему и подойти нельзя. Он сразу спрашивает вас: «что Вы мне суете несколко пустых ничего не говорящих фраз. Вы скажите мне точно, дайте ясную программу, по которой я мог бы видеть, как будут при Вашем строе жить каждый от сапожника до первого министра. А Ваша программа это пускание пыли в глаза. Мы если и не довольны, то не советским строем, а его экономической политикой, мы ждем только от нее поворота в области хозяйственной политики и если он будет, мы будем горой за советскую власть. А с Вами нам не по дороге.» Стало еще хуже. И рабочие не с нами, осталась серая обывательщина, на которой можно было бы попытаться, что нибудь строить, если бы не . . террор. Террор, который так воспевал Виктор Викторович, вышибал у нас из под ног последнюю точку опоры. Обывательщина против нас за террор, за наши разрушения на хозяйственном фронте. Ведь всякое посягательство на советские центры, крушение поездов, взрывы, поджоги складов, фабрик и заводов, больнее всего били по обывателю. Выходило так, что мы, желая нанести удар по советской власти, попадали в обывателя, стоящего между нами и советской властью. А бедный обыватель выведенный, наконец, из терпения оборачивался назад и возвращал нам каждый удар с придачей. Мы то конечно хотели, чтобы он передавал их дальше по адресу советской власти, но он упорствовал на своем. Политика при помощи террора и разрушений на хозяйственном фронте, удары по обывателю, чтобы тот в свою очередь бил советскую власть, своей цели не

достигнула и дала обратные результаты. А чтобы самим наносить чувствительные удары по советской власти, у нас были руки коротки. Для более яркой иллюстрации приведу следующий пример: уже во время моего пребывания в тюрьме, туда же был доставлен избитый толпой б. офицер Лебедев, прибывший из Финляндии в Петроград, с целью установить связь с Петроградской Боевой организацией. При аресте, когда толпа узнала, что он причастен к Петроградской террористической организации, хотели покончить с ним самосудом, и он был избит до потери сознания. Подоспевшим сотрудникам Чека пришлось обнажить оружие, чтобы вырвать его из рук раз'ярённой толпы.

Подпольная работа и террор в той форме, как предписывала верхушка Н. С. З. Р. и Св. могла продолжаться только при сочувствии широких масс. Но мы задыхались в подполье.

Все члены Областного Комитета соединились на одном, что нужно выйти из подполья наружу, нужно изменить всю программу, и методы борьбы. В этот же день я написал два письма Борису Викторовичу, в которых просил его немедленно собрать комиссию, и сейчас же заняться пересмотром программы и тактики борьбы, чтобы потом с'езду не пришлось над этим слишком долго потеть. Я определенно требовал перенесения борьбы из подполья в свет. В подполье борьба не могла иметь ровно никакого смысла. Подпольная борьба стала невозможной. Одновременно я решил порвать и со шпионажем и вместе с вышеуказанным письмом послал шефу Информационного Бюро Французской миссии сообщение, что З. О. К. с 1-го июня всякое сотрудничество с миссией прекращает и, что таковое будет возобновлено только при выполнении миссией следующих условий: 1) ежемесячная выплата 30—25 000 рублей золотом или же соответствующую сумму по варшавскому курсу в бумажной валюте, но не как оплата даваемых сведений, а как субсидия. 2) Предоставление в распоряжение З. О. К. оружия — пулеметов, ручных гранат и т. д.

Конечно ни одно из этих условий Информационное Бюро исполнить не могло, так как на содержание всего Бюро не отпускалась подобная сумма в месяц, а раз когда лично мне понадобилось пара револьверов и три ручных гранаты и те не могли быть отпущены миссией. — Таким образом разрыв с Французской миссией был мною подготовлен.

Перед от'ездом в Смоленск я собрал расширенное заседание Областного Комитета и убедил дать мне наказ на предстоящий Всероссийский с'езд Н. С. З. Р. и Св. требовать от

сезда изменения в корне программы и тактики организации или отколоться от Н. С. З. Р. и Св. Я уехал в Смоленск. Наказ должен был быть выслан мне в Минск. В Смоленске я нашел мертвый застой. Я чувствовал, что гроза вот-вот разразиться. Моя уверенность в этом так далеко зашла, что я перед отъездом в Минск написал прощальное письмо брату, находящемуся в России и даже завещание. На следующий день, в Минске, при ликвидации Бел. Ч. К. явочных квартир ЗОК на одной из них я и был арестован. Западная организация провалилась одновременно повсеместно. В тюрьме благодаря любезности представителей ВЧК мы изучали пресловутую карту Б. Б. Савинкова и ознакомились с целым рядом настолько серьезных документов, что я будучи на свободе в Брюле их никогда не видел.

Из вышеизложенного мои читатели могли видеть, что уже к началу лета 1921 года, не было почвы для подпольной антисоветской работы. Но может быть сейчас обстоятельства изменились, может быть сейчас есть слои населения, которые если не враждебны советской власти, то по крайней мере не сочувствуют ей. Постараемся тщательно присмотреться к каждому слою, каждой отдельной группе населения Сов. России. Может быть таким путем нам удастся открыть ту почву, на которой могла бы зиждиться антисоветская подпольная работа.

По сие время всякое серьезное антисоветское движение зиждилось на недовольстве крестьян. Но я уже говорил, что весной после растолкования крестьянам декрета о продналоге, обстоятельства резко изменились, что момент усвоения крестьянами сущности указанного декрета был решающим моментом, был поворотным пунктом во всем антисоветском движении. Правда тот момент не был своевременно усмотрен, даже антисоветскими организациями расположенными на территории России, чутко прислушивающимися к голосу крестьянских масс. Но как велико было значение этого сдвига, указывает то обстоятельство, что с половины мая по конец июня за весьма короткий срок было окончательно ликвидировано столь грозное партизанское движение Поволжья, Тамбовской губернии, Сибири и сама добровольно ликвидировалась партизанщина Украины. Этот сдвиг подписал смертный приговор партизанщине.

Выше я говорил, что к началу лета среди рабочих масс еще могла иметь место пассивная оппозиция, что рабочие были недовольны экономической политикой советской власти (но не советским строем), порядком оплаты их труда и т. п. Летом 21 г. положение совершенно изменилось. Советская власть

прислушиваясь к голосу рабочих масс, в корне изменила, как экономическую, так и финансовую политику. Введение коллективного снабжения почти во всех фабриках, заводах, предприятиях и сдельная оплата труда превратила рабочих в сторонников советской власти, и в результате производительность повсеместно поднялась до 50—150 процентов, прогулы снизошли до минимума, на выборах в Советы, на с'ездах, беспартийные рабочие подают свои голоса за список Р. К. П. Что беспартийные рабочие массы изменили свою позицию, повернувшись спиной к советской оппозиции, в этом вынуждены были признаться и меньшевики даже в печати. Недавно один из лидеров меньшевиков в «Социалистическом вестнике» выкинул лозунги направленные против беспартийности, в то время как до сих пор сами меньшевики старались перекраситься под цвет беспартийных. Нет, среди рабочих масс не может иметь место оппозиция к советской власти.

Остается Красная армия. Но она всегда проявляла глубокую преданность советской власти. Все белогвардейские армии, все попытки внешней интервенции разгромлены ею. В данный момент хотя советская власть и занята перестройкой на новых основах производительных органов — Красная армия продолжает служить центром партийной и советской работы. Вдобавок ¾ состава военного времени уже демобилизованы, все старшие возрасты участвовавшие в империалистической войне ушли, в ее рядах остались только младшие, наиболее революционные возрасты. Продолжается энергичная работа по ее обучению, укреплению и реорганизации. Великолепно работавший культурно-просветительный аппарат, методы и приемы работы, которого, тщетно пытались применить у себя в период военных действий Польша и др. ее противники, еще более усовершенствовался. По всей армии идет генеральная чистка от ненадежного в политическом отношении командного состава, который заменяется хорошо подготовленными красными командирами-коммунистами. Красная армия обмундирована, вооружена, экипирована, как никогда. Ей предоставлены вполне удовлетворительные помещения. Красная армия обучаясь военному делу с каждым днем укрепляет свои ряды, а под действием культурно-просветительных органов крепнет морально и превращается в коммунистическую армию. Нет ни малейшего сомнения, что Красная армия на всякое посягательство на советскую власть ответит ударом в штыки. Мы видим таким образом, что оппозиция не может иметь места ни в

крестьянской ни в рабочей среде, ни в Красной армии. Остается еще рассмотреть некоторые мелкие группы населения, которые конечно слишком ничтожны, чтобы на них могла создаться серьезная антисоветская работа, но которые все же представляют некоторый интерес. — Я еще не говорил об специалистах и интеллигенции.

По сие время эта группа всегда была настроена оппозиционно, хотя активно почти никогда не выступала, а ограничивалась пассивной оппозицией — саботажем и ворчанием по адресу советской власти. Но если по сие время среди них имела место пассивная оппозиция, то сейчас и этого нет, ибо они занимают наиболее обеспеченное положение, что доказывает даже присвоенная им повсеместно кличка «совбуры» (советская буржуазия). И действительно, сейчас, после организации государственных трестов, введения коллективного снабжения и сдельной оплаты труда, они материально обеспечены и заинтересованы в поднятии производительности.

Следующей, более или менее активно настроенною против советской власти группой, была группа, в которую входили разные дельцы: хозяева заводов, фабрик, купцы, промышленники и т. д. Сейчас уже и те не так яро ворчат (дальше брызганья слюной по адресу советской власти они никогда не шли). Они примирились с тем, что фабрики, магазины к ним уже никогда не вернуться и увлеклись арендой национализированных заводов, подрядом, поставками и т. д.

Остается последняя группа — бывшие помещики, дворяне и духовенство. Да, эта группа и сейчас оппозиционна, но ведь она уже самой судьбой на это осуждена, да и вдобавок окончательно обанкротившаяся, как материально, так и духовно. Ведь они никогда не шли дальше размахивания по адресу советской власти кулаком . . . в кармане.

Но есть еще одна группа, отчасти вошедшая во все уже мной рассмотренные группы, но на которой я, все же хочу остановиться особо. Это бывшее русское офицерство. Оно почти все пристроилось на теплых местах как в советских учреждениях, так и в Красной армии, и обеспечено лучше, чем кто бы то ни было. К ним также идет название «совбуров». Оно, как это и всегда было, в массе своей осталось аполитичным, но в это же время из его среды вербуется наиболее активная советской власти оппозиция. Оно слепо идет во все подпольные антисоветские организации, не разбираясь — какого они направления, и, как общее явление, можно встретить бывшего офицера с монархическим оттенком в самой левой, социалистической, под-

польной организации, а бывшего офицера из крестьянской семьи, в душе оставшегося крестьянином и болеющего за крестьян, в подпольной монархической организации, поставившей своей целью восстановление монархии и закабаление крестьян. Это — глубокая правда и это имел возможность наблюдать всякий, кто следил за ликвидацией антисоветских подпольных организаций. Я долго этого не мог об'яснить, не мог открыть тех стимулов, которые побуждали б. офицерство действовать подобным образом, и возможно, что истинную причину этого открыл только потому, что я сам — бывший офицер, что я сам прошел тот тернистый путь, по которому пришлось идти бывшему офицерству, начиная с 1914 г. Для этого требовалось невероятное напряжение нервов; их нервам также нужна была опасность, как легким воздух. Ведь все получили отдых. Созывая красноармейцев после империалистической войны призывали по возрастам. Только офицерство призывалось гуртом, как в Советской России, так и там, где местности оккупировались белыми армиями. Нервы их требуют сейчас постоянной, опасности, риска, напряжения, и многие офицеры только благодаря этой особой психологической болезни и попадают в подпольные организации. Разве тоже самое не было у Колчака и у Деникина? Это болезнь, которая, конечно, будет изжита со временем.

К Вам, бывшим офицерам, обращаюсь я, вышедший из Вашей же среды, с призывом: будьте благоразумны, будьте осторожны, не доверяйте своей судьбы политическим проституткам — они передадут ее в руки настоящих проституток. Так было в Н. С. З. Р. и Св., так будет и с Вами. В конце я хочу еще отдельно остановиться на голодающих. Эта группа возникла, благодаря стихийному бедствию, но она в данный момент существует и о ней умолчать нет возможности. Советская власть лезет из кожи вон чтобы помочь голодающим, принимает все меры к скорейшей переброске в голодающие районы продовольствия, но какая то третья сила задерживает поезда, которые могли бы спасти десятки тысяч людей от голодной смерти.

Против кого восстанет голодающий: против советской власти, старающейся накормить его, или против того, кто мешает в этом советской власти? Конечно против последнего. Вдобавок, никогда в истории не было примера, чтобы умирающие от голода занимались политикой. У голодного одно стремление — наполнить свое брюхо. Но тут же поверхностный наблюдатей бросит обвинение, что я забываю недавние факты из исто-

рии русской революции, ибо она получила свой толчек от голода в Петрограде. Во-первых — это был не голод, а только перерыв в снабжении; во-вторых — против кого направлен был гнев масс. Ведь не против общественных организаций, стремящихся накормить неселение, а против государственной власти, которая мешала этому, которая вызывала перерыв в снабжении. Но сейчас государственная власть прилагает все усилия, чтобы накормить голодающих. Ей мешает какая-то третья сила, и ненависть голодающих масс направлена против этой силы. Итак, я должен придти к заключению, что почвы для подпольной работы против советской власти нет. И это ярко подтверждается фактами. В течении 1921 г. органами Всероссийской Чрезвычайной Комиссии было раскрыто более десяти уже отмирающих своею смертью организаций (организация проф. Таганцева, организация Н. С. З. Р. и Св., Белорусские организации, Петлюровские организации на Украине, организация Торгово-Промышленного Комитета, организация кн. Ухтомского на Дону, организации связанные с разведской Англии, Франции, Финляндии, Японии и т. д.). Подобных провалов еще не знала история антисоветской борьбы. Все антисоветское движение пережило небывалый еще кризис.

Между тем в советской прессе порой сквозят ноты опасения, что капиталистические государства раньше или позже сделают последнюю попытку внешней интервенции, расчитывая, что голод вызвал несочувствие широких масс к советской власти. Если это случится — это будет величайшим несчастием для всего русского народа, и нет ни малейшего сомнения, что Россия для встречи интервентов ощетинится лесом штыков, что за ружье возьмется добровольно и рабочий, и крестьянин. Другого результата интервенции ждать нельзя. Разве голодающий не станет в защиту власти, которая спасла его от голодной смерти, накормила, отогрела. Разве не станет за советскую власть крестьянин, на полях у которого будет колыхаться хлеб, засеянный благодаря получению от советской власти семенной ссуды. Разве не станет в защиту советской власти рабочий. Новую интервенцию встретит с оружием в руках весь русский народ. Интервенция вызовет народную войну. А что такое в России народная война — это испытал на себе Наполеон в 1812 году.

Гг. Савинковы, г. Эльвенгрен, я требую, чтобы Вы сознались, что Вы легкомысленно играли жизнями вверявших Вам свои судьбы людей. Я требую, чтобы Вы созна-

лись, что Вы злоупотребляли гостеприимством страны, давшей Вам приют, стремясь провокацией вовлечь ее в невыгодную войну. Я требую, чтобы Вы сознались, что Вы шантажировали государственных, политических и общественных деятелей, удостаивавших Вас своим доверием. Я требую, чтобы навсегда отказались от политической деятельности, чтобы Вы своими грязными руками впредь не касались русского дела. Если же Вы на это не согласны, то я требую, чтобы Вы по пунктам опровергали возводимые мною на Вас обвинения и доказали их несостоятельность.

Если же господами Савинковыми и г. Эльвенгреном мои требования исполнены не будут, я обращаюсь и прошу невольных жертв этих политических шантажистов, если они не желают прикрывать собой грязные проделки грязных людей, потвердить в печати следующее:

а) Г. Шефа Английской Военной Миссии в Варшаве, с его адютантом кн. Радзивиллом, что я, Павел Иванович Селянинов, Виктор Викторович Савинков и полковник польской службы граф Девойно-Соллогуб, в первых числах мая с. г. были приняты в помещении Английской Военной Миссии и сделали доклад, содержание которого в общих чертах передано в настоящей брошюре.

б) Господ офицеров Французской Военной Миссии в Варшаве — майора Маринo и капитана Дераш, что все переданное мною в настоящей брошюре, касающееся Французской Миссии, освещено правдиво. (За достоверность слов Орлова, что им были получены из Миссии обувь и деньги за сданные в Миссию, захваченные в Койданове, документы, ответственности на себя не беру).

в) Шефа Информационного Бюро Второго Отдела Польского Генерального Штаба г-на майора Бека — что мои письма адресованные во Французскую Военную Миссию, за исключением одного, на имя майора Марино, которое было передано по назначению, у г-жи Орловой отобраны не были, а также осветить вопрос: было ли дано В. В. Савинковым разрешение на использование Вторым Отделом материалов, отобранных у г-жи Орловой.

г) Г-жу Орлову, что все мои письма, адресованные во Французскую Миссию, были ею во время отобрания во Втором Отделе П. Г. Ш. сборников приказов, укрыты, а потом переданы лично В. В. Савинкову. —

д) Ген. Перемыкина, ген. Бобошко, ген. Булак-Балаховича, гг. офицеров и солдат интернированных армий — подтвердить правдивость сказанного мною относительно роли В. В. Савинкова в формировании и разложении этих армий и шире осветить вопрос этот в печати.

е) Г-на Петлюру, подтвердить, что заключенный между ним и В. В. Савинковым договор никогда последним не соблюдался. (Хотя это и так ясно из того, что органами ВЧК на территории Украины были раскрыты савинковские организации и арестован ряд эмиссаров.)

ж) Членов В. Э. К. и Ликвидационной Комиссии, а также и лиц, случайно присутствовавших на тех заседаниях указанных комиссией, о которых я говорил, что все, касающееся этих заседаний, передано мною правдиво.

з) Русских эмигрантов в Финляндии: что во время Кронштадтского восстания Эльвенгрен был в Финляндии и вообще в 1921 году в Петроград не выезжал.

и) Бывших членов Петроградской Боевой Организации. что Эльвенгрену никто не давал полномочий говорить от ея имени, и что в период Кронштадтского восстания он в командующие не выдвигался.

По не зависящим от меня причинам я не могу принять в разоблачении гг. Савинковых того участия, которое я хотел бы принять. С большими затруднениями, при содействии некоторых моих друзей, мне удается выпустить настоящую брошюрку; но я надеюсь, что все русские люди, которые против того, чтобы гг. Савинковы продолжали и впредь купаться в русской крови и в страданиях русских людей, что все русские эмигранты, которые пожелают отмежеваться от этих шантажистов, примут участие в их разоблачении.

Со своей стороны, я и мои друзья всегда будем готовы дать необходимые дополнительные справки.

Печатано в типографии у H. S. Hermann & Co.